

Читайте:

4 Алексей МИРОНЕНКО:

Дом в Почтовом переулке

10 Леонид КОЛЕНВАЛОВ:

Мастер и Рита

12 Валерий АНИШКИН:

Новый американец

15 Лев ЛОПУХОВСКИЙ:

Катастрофа в районе Вязьмы

18 Виктор ЛИВЦОВ:

Легенды древнего города Болхова

22 Владимир ЕРМАКОВ:

Заметки о нигилизме

26 Михаил КОНЬШИН:

Книжный праздник каждый день

28 Денис ВОЛИН:

Командировка на войну

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

По утверждению писателя В. Чивилихина, великое историческое счастье выпало на долю нашего народа – его государственный, богослужебный, письменный и разговорный язык был одним. На базе общерусского языка основывалось (вместе с архитектурой, живописью, ювелирным и оружейным искусством) высшее достижение средневековой Руси – её замечательная литература...

Классическая литература позднего русского Средневековья: «Задонщина» Софрония-рязанца, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, сочинения Ивана Грозного, Ивана Пересветова, Аввакума Петрова, «Повесть о Горе-Злосчастьи»...

Сотни, тысячи раз встречается на страницах средневековых книг выражение «Русская земля», необыкновенно многооттеночное по смыслу. Это и географическое понятие – то есть пространства, занятые русским народом, и политическое, зовущее соотечественников к единению, и конкретно-историческое, и этническое. Это и земля-кормилица, дающая жизнь её народу – пахарю, со всем, что на ней есть – живой природой, городами, сёлами, людьми, и святая родина, почти всегда нуждавшаяся в защите от внешних врагов и внутренних распрей.

Вчитайтесь в хватающие за душу строки: «Светло светлая и украсно украшенная земля Русская! И многими красотами дивишь ты: озёрами многими, дивишь ты реками и источниками местнотимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, сёлами дивными...»

Один современный зарубежный исследователь пишет: «Вдохновенный гимн «светло светлый и украсно украшенной земле Русской» не имеет себе равного во всей европейской литературе того времени и даже позднейших веков. Это единственное в своём роде поэтическое произведение, предметом которого является не личность богатыря, не подвиги героев, а сама родина, как целое...»

Нигде – ни у французских трубадуров, ни у немецких миннезингеров, ни в рыцарских романах, ни у Данте – мы не найдём такого сжатого и сильного, ослепительного видения родины... Только сто лет спустя, в 1353 году, мы найдём у Петрарки гимн, обращённый к Италии как родине...

№67' апрель 2026

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)

Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.04.2026 г. Выход в свет: с 01.04.2026 г.

Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа

«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №67-НО+ Цена свободная

Фото из открытых источников

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

Алексей МИРОНЕНКО

Дом в Почтовом переулке

Редакторские секреты писателя Ивана Алексеевича Рыжова

Иван Рыжов известен как прозаик, талантливый писатель «деревенской темы», но остаётся недооценённым (и полузабытым) как не менее талантливый редактор газеты. Он был главным редактором одной из интереснейших молодёжных газет в интереснейшее время. Особенно памятливы 1971–1973 годы, когда редакция располагалась в доме № 16 по Почтовому переулку. Это в самом центре Орла. Место бойкое во всех отношениях.

1. Юбилей, ах, юбилей

В 1972 году отмечалось 50-летие газеты «Орловский комсомолец». Обстановка в редакции соответствовал торжественности момента. Многочисленные поздравления, гости, ветераны создавали в кабинетах праздничное настроение. Приехали бывшие сотрудники: редактор Геннадий Харитонов и заместитель редактора Владимир Муссалитин. По кабинетам гурьбой ходили поэты и прозаики, фактом своего присутствия доказывая приоритет лириков над физиками. За несколько лет газета обрела более сорока тысяч подписчиков вместо прежних двадцати, и этот успех связывали с именем Ивана Рыжова.

Приехавший из столицы Геннадий Харитонов ревностно осматривал хозяйство Рыжова, но не ёрничал: он возглавлял столичное издание и чувствовал себя рангом выше. А между Муссалитиным и Рыжовым вновь разгорелся старый спор. Юбилей не мешал их творческим дебатам. Ещё в 1966 году Владимир Иванович написал рассказ, который только назначенный редактором Рыжов отказался публиковать. О причинах остаётся лишь догадываться, но история показательна для обстановки тех лет.

Незамысловатый рассказ Муссалитина «Мальчик с парусом за спиной» – о послевоенном детстве. О времени го-

лодных детских обмороков, беспричинных судорог в ногах и острой рези в животе, если можно было назвать животом впалое пространство, обтянутое кожей и прилипшее к позвоночнику. Голодному и полуголодному безвременью не было, кажется, конца. Вволю можно было лишь воды испить. Но она не давала сытости, а через несколько минут рези в животе только усиливались, особенно ночью, и оставалось забиться в дрёме, умоляя Боженьку забрать на небеса, где всем благостно и мне также будет хорошо.

Но наступало утро – всё повторялось сначала, и эта голодная детская тоска казалась бесконечностью, какой в детском понимании ожидалась вся недолгая жизнь. О чём могли мечтать босоногие и голодные мальчишки послевоенной поры? Несбыточные детские мечты. Сколько в них острой любви к родным людям, сколько жалости к себе и безысходности от непонимания окружающего мира! И у каждого мальчишки и девчонки рождались в сознании свои образы счастливой жизни.

Конечно, эти мечты не улетали далее школьного забора и касались вполне материальных вещей. Поэтому когда появлялись мечты, подобные образу в рассказе Владимира Муссалитина, это вызывало недоумение. А по большому счёту – видели в них нечто не советское.

А, действительно, что за чудо – мальчишка с парусом за спиной, какого он происхождения, и зачем ему парус за спиной? Был тут у нас чудак с самодельными крыльями – с колокольни прыгал, так он из крестьян. А мальчуган с парусом – кто он есть? Не ангел ли Божий? Эко занесло молодого писателя, эко надумал. Зашифровал ангела под мальчугана. Это уже не мечты, а антисоветская пропаганда. Религиозная.

Или парус за спиной – нечто большее, чем лебединый размах ангела? Зачем нам нереальные образы? Вот у Александра Грина вполне нормальный корабль – паруса только алые. Так это по-нашему, по-советски. Любовь на фоне алых парусов, и сбывлась у девушки то ли мечта, то ли видение – и славненько, и все утрут слёзы радости, и будут счастливы.

А чему учит юных читателей мальчуган с парусом, приросшим к спине? Не тому ли, что у каждого должен быть свой покровитель, который дуёт в спину и подталкивает по жизни. Это что, скрытый образчик «телефонного права», кумовства и сватовства, семейственности и корпоративности? Станный образ у Муссалитина – антисоциальный и антисоветский.

Так, по крайней мере, представлялось многим в далёком 1972-м году, когда рассказ Иван Рыжов всё же решил опубликовать в газете. Церкви к тому времени перестали взрывать, но борьба с религией по-прежнему продолжалась.

Хотя Иван Алексеевич и считался журналистом бунтарского склада, однако прекрасно понимал, чем может обернуться публикация столь необычного рассказа Муссалитина. Но как быть? В своё время Рыжов сам же настоял, чтобы Муссалитин стал его заместителем, и Владимир Иванович был хорошим заместителем, потому его, как и Харитонову, позвали на работу в столичное издание. Теперь это спасало положение. Прощальная, мол, публикация. Год как уехал? Так это уж, братцы, в столице подправляйте, это там ему такие странные сюжеты в голову приходят, это там – трамтарам. Да это всё... Умел, Иван Алексеевич, отшутиться.

Словом – сошло с рук. Рассказ был опубликован, и обкомовское начальство сделало вид, что не заметило его.

Для коллектива редакции это был один из примеров мастерского владения обстановкой. С таким редактором журналистам можно было смело брать за сложные темы. К слову сказать, придуманный тогда Муссалитиным образ мальчишки заслуживает глубокого осмысления и не меньшего уважения, чем алые паруса Александра Грина или божественное воплощение ангельских крыльев в произведениях многих писателей и поэтов.

2. Вход свободный

В редакции оценили поступок Рыжова. И подобных примеров было множество.

По возрасту коллектив был молодым. Сотрудники в отделе комсомольской жизни: Иван Подсвиров – будущий писатель, Юрий Трошин – в лесотехнической академии самостоятельно выучил суахили (наряду с английским), и несколько лет работал в Африке переводчиком, Владимир Самарин был выпускником суворовского училища, окончил воронежский университет. За идеологическое направление отвечала Светлана Дьячкина, приехавшая с мужем в Орёл после окончания МГУ. Отдел школ и учащейся молодёжи был в ведении мудрой Аси Олейниковой и её подчинённой, совсем юной и не по годам талантливой Людмилы Хочунской, искавшей ответ на вопрос

1979 г. Фетовский праздник.

Дмитрий Порушкевич, Анатолий Лесных, Иван Рыжов

«А если это любовь?» на своей авторской странице «Ярославна». Поступающие в редакцию письма читали молодые поэты Виктор Дронников и Лев Котюков, которым помогала учётчица писем Валентина Гончарова. «Стариками» считались фотокорреспонденты Александр Овчинников и Игорь Горбунов, им было под пятьдесят лет. Ну, и всех пытался «со-старить» Иван Подсвиров, который обращался не иначе, как выкриком «Старик!», да ещё и с лёгким подскоком, чем сразу привлекал к себе внимание. Впрочем, чудинок в каждом хватало: а как иначе в творческом коллективе?

Наиважнейшим в редакции человеком была Валентина Гончарова, так как редакция получала ежемесячно до 40 тысяч писем! – немислимое количество по тем временам. Все их надо зарегистрировать в журнале, доложить о содержании редактору, который распределял письма по отделам, а потом ещё и проконтролировать исполнение по срокам. Письма были главным связующим звеном редакции с читателями, но не единственным.

Телевидение, кстати, было тогда в зачаточном состоянии, областное радио (проводное) носило информационный характер о делах сугубо производственных. Об интернете или социальных сетях и слуху не было. Телефонная связь (также проводная) работала плохо, что уж говорить о чём-то большем. Большим был только «кукурузник»: тогда в такие отдалённые уголки области, как посёлки Топки, Колпны, Долгое или Шаблыкыно быстрее можно было самолётом долететь, нежели дозвониться. Поэтому письма читателей были важнейшим звеном в работе редакции. Но не единственным.

Информационный вакуум дополняли лекторы общества «Знание», их контора располагалась по соседству – в левом крыле того же дома по Почтовому переулку. В двух кварталах от редакции на улице Октябрьской был дом политического просвещения – ныне музей искусств, работники которого также «несли слово партии в массы». При обкоме партии и обкоме комсомола были лекторские группы, работники которых разъезжали по городам и весям как толмачи партийных директив.

Вся эта масса болтливых людей непрерывным потоком посещала редакцию «Орловского комсомольца». У них был свой резон: после командировок жаждали опубликовать свои впечатления. Или заходили подсказать актуальную тему, да и просто поболтать с коллегами о текущем моменте. Сейчас трудно представить, какой гвалт стоял в кабинетах и коридо-

19 августа 1983 года. «Орловский комсомолец»

рах. Зато легко понять, почему у Ивана Подсвинова появился этот фальцет «Старик!» Иначе могли не услышать.

3. Номер «зреет»

Относительная рабочая тишина наступала ближе к концу рабочего дня, когда люди чудесной профессии (рабочее место убирать не надо – рот закрыл и пошёл домой) куда-то исчезали. Наступало время тех, кто способен писать – своим стилем и своим образным русским языком. Таковых было мало.

Журналисты сосредоточенно дорабатывали статьи, которые в этой немислимой обстановке когда-то успевал прочитать редактор. Прочитать, пометить слабые места и вернуть на доработку. На скорую руку формировались информационные подборки, верстались в типографии «Труд» полосы и примерно к восьми-девяти часам вечера газета была готова к печати.

Но... Тут и начиналось самое страшное – поиск грамматических и смысловых ошибок. Корректоры и дежурный по номеру среди ночи могли вызвать автора, а то и главного редактора. С грамматическими ошибками поступали просто: забивали шрифт, чтобы слово было неразборчиво. А вот смысловые были, как дамоклов меч над головой.

Самыми страшными были политические опечатки. Салин – вместо Сталин, под руководством партии – вместо под руководством, традиционный – вместо траурный митинг. Бывали и дурацкие смысловые: «100 тонн навоза в постель королевы полей», «предан земле» – о сельском труженике и т.п. Объясняли «опечатки» тем, что он усталости «глаз замыливался», но это не спасало от наказания.

Да! Забыл упомянуть о нештатном активе. Как правило, талантливые люди, которые вели себя тихо и терпеливо ждали, когда штатные журналисты обратят на них внимание. Среди них были и известные впоследствии поэты и прозаики: Анатолий Лесных, Александр Логинов, Дмитрий Порущкевич, Борис Попов и другие. Все они публиковались на литературной странице газеты.

Нередко в конце дня в редакцию заходил председатель областной писательской организации Владимир Мильчаков, известный по книгам «Мои позывные Россия», «Разведка идёт впереди». Частым гостем по вечерам в кабинете редактора был и первый секретарь обкома комсомола Анатолий Мерцалов.

Вечерним гостем – сейчас это доверительное откровение в практике телевидения. По тем временам – весьма нетипично, потому что обычно партийные и комсомольские функционеры держали с журналистами дистанцию, дабы место знали. Или не владели нормальным языком общения. А тут вот так, запросто, по пути с работы заходил словом перемолвиться...

В начале 70-х Иван Алексеевич был уже опытным редактором с почти десятилетним журналистским стажем. Характерно, что он бросал текущие дела и с интересом общался с посетителями. Это был его почерк руководителя – внимание к человеку, вопреки занятости. Журналистов приучал к тому же: пишите ночью, дома, а в редакции – собирайте материал.

Для молодых сотрудников Иван Алексеевич был непрекращаемым авторитетом. Редакцией он руководил с душевной мягкостью, даже неуверенностью в голосе: «Да это всё, нет, да это всё, да... надо бы тут поправить, да» – нередко звучало в его кабинете. По коридору эхом летели пересмешки: «Да это всё...» Но садились и поправляли, и дорабатывали, нередко выбрасывая половину материала.

Происходило то, что называлось «Номер зреет».

Многих удивляло отсутствие начальственного тона в отношении с подчинёнными со стороны нашего главного редактора, но была и особая тема, связанная с резкой переменой в его судьбе.

4. Судьбоносная загадка

В чём же был загадочный вопрос, который Рыжову многие задавали, а он в ответ лишь с усмешкой поглядывал на собеседника. Его мягкая улыбка, глаза, которые вдруг теплели, и взгляд будто проникал в душу собеседника – всё в нём таило неординарную личность. А вопрос звучал примерно так: зачем успешный комсомольский активист, руководитель одной из крупнейших в городе комсомольских организаций на заводе приборов, ушёл с перспективной (в плане карьеры) должности и стал журналистом областной газеты? Да ещё и рядовым. Именно – рядовым сотрудником.

За вопросом следовала пауза. Обычно его переход объясняли тягой к творчеству. Звучало неубедительно. Тяга, знаете ли, не кормит. Но если и не это важно, то хотя бы авторитет

среди молодёжи, который стоило ли терять «ради нескольких строчек в газете»? Редактором он стал не вдруг. Сначала «поварился» в шкуре сотрудника, заведующего отделом, много писал, заочно учился в литинституте. И уже после того, как упомянутый Геннадий Харитонов ушёл на повышение в столицу, был назначен редактором молодёжной газеты.

Сегодня трудно представить, каким романтическим запалом и тягой к творчеству надо обладать, чтобы решиться на такой судьбоносный переход. Он, как в космос, шагнул в никуда, в творческую пропасть!

К тому же журналистика по-своему коварна, в ней нет вчерашней славы. Можно споткнуться на печатке или ещё как. Стабильность условна. Вот же яркий пример тех лет: главный редактор «Орловской правды» ранее был зам. редактора «Орловского комсомольца», а его первый зам. – редактором «молодёжки», а он – его замом. В причинах этой кадровой чехарды, устроенной партийными бонзами того времени, без пол-литра было не разобраться. Но я отвлекся от темы.

Другое объяснение, что 60-е годы были временем романтиков, а Иван Рыжов таковым и был. И не он один! О том свидетельствует обстановка в редакции тех лет. Это был «мурaveйник» творческих идей, литературных и журналистских тем.

Отчасти потому, что «хрущёвская оттепель», завершившаяся в Москве в 1964-м году снятием генсека со всех постов, прошла столь широкими волнами по стране, что её следы в глубинке не могли стереть и в 70-е годы. В глубинах общественной жизни, особенно в провинции, успела зародиться и развивалась новая литература, свободная от партийного начётничества.

Проявилось и новое явление – деревенская проза, одним из заметных представителей которой стал Иван Рыжов. Писательский дар обострял в нём романтический настрой, и это, на мой взгляд, главная причина перемены в его судьбе. Ему требовалось время, личное время для творчества. Таковую возможность давала работа журналиста. А в «молодёжке» это позволяло не отрываться от комсомольской среды, которая была ему дорога как часть его юности. Но бремя редактора таило свои подводные камни.

5. В клещах времени

Творческий потенциал редакции и авторитет газеты среди молодёжи области формировались не год и два. Мне памяты 1964–1966 годы, когда мы, ученики Нарышкинской средней школы № 1, читали и перечитывали в «Орловском комсомольце» лихие очерки и заметки о жизни молодёжи, о комсомольских инициативах в районах области. Каждый номер газеты ждали с нетерпением – она выходила три раза в неделю скромным форматом – в два раза меньшим «Правды». Но каждое слово в ней несло что-то новое о нашей жизни.

Были, конечно, идеологические нюансы: «Сегодня ты играешь джаз, а завтра родину продашь». Словом, оговорки и ограничений оставалось в ту пору множество. Время было обозначено лозунгами «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», и – как цель – «построение развитого социализма».

Мы не очень понимали, что это такое. Нам была важна конкретика современной жизни, а «молодёжка» была конкретным по содержанию и близким нам по духу изданием. Хотя и не единственным. Огромной популярностью пользовался журнал «Юность», в котором печатались повести Василия Аксёнова («Звёздный билет», «Апельсины из Марокко»),

первые рассказы Юрия Казакова («На Севере», «Вон бежит собака» – ему прочили славу нового Чехова), стихи Роберта Рождественского и других популярных авторов. В более «взрослой» литературе шло переосмысление всего происходящего в стране. Журналы «Новый мир», «Звезда», «Нева», «Роман-газета» открывали имена новых мыслителей и возвращали полузабытые.

Однако сохранялись принципы единоначалия, партийной дисциплины и вертикали власти, основанные на коммунистической идеологии и утверждении, что «советское – значит лучшее». Страна была нацелена на созидательные инновации, намечались новые и новые стройки коммунизма, и молодёжь выдвигали на первые позиции этой «борьбы за светлое будущее».

Одновременно затягивались идеологические клещи различных ограничений. В печати клеймили так называемых диссидентов, фарцовщиков, «чеховиков». Исподволь в информационное поле возвращали имя Сталина: замалчивались преступления сталинского режима, негласно запрещалось писать о жертвах репрессий.

Редакция газеты «Орловский комсомолец» оставалась в той обстановке островком вольнодумства. Вольнодумства, за которое некоторые партийные «кураторы» обещали «стереть в порошок этих журналюг». Предшественнику Ивана Рыжова – Геннадию Харитонову один из партийных боссов так и сказал: «Жаль, что уезжаешь в Москву. Ты бы у меня поработал где подальше, куда Макар телят гонял!»

А куда Макар телят гонял, в 60-е годы талантливо объяснил орловский поэт Дмитрий Блынский:

И день такой, что лучшего не надо.

Лоза, нагнувшись, загляделась в пруд.

Цветёт колхозный сад,

А мимо сада

Макарыча на кладбище несут.

В образе сада – деревня, загубленная войной с фашистами, а может, и нечто большее – те два миллиона крестьянских подворий, которые были уничтожены в период коллективизации и последовавшим за ней обнищанием народа.

6. «Не логично, но гениально»

Закон о печати, как известно, появился лишь в 1991 году, а в 70-е годы жёсткие рамки дозволенного на информационном поле определялись партийной политикой в молодёжной сфере.

Соответствующий тематический план редакции (на год!) утверждался на бюро обкома комсомола. В попытках «соответствовать» некоторые издания превращались в безликие информационные листки с ура-отчётами.

На редакторе, и Рыжов не исключение, лежал груз личной ответственности перед вышестоящими комитетами: комсомольским и партийным. Не только за опечатки. Обстановка того времени давала редактору право вести себя жёстко как партийному ставленнику.

Но Иван Рыжов своим творчеством, отношением к людям показывал, что поиск интересных тем, сопереживание героям публикаций важнее приказов. Он совмещал в себе два взаимно исключаящих понятия: партийную дисциплину и весьма либеральное отношение к творчеству коллег. Каким образом?

Очень своеобразно он дружил с комсомольскими вожаками, начиная с самых высших постов и до секретарей комсомольских ячеек. Надо понимать, что тогда многие колхозные «ячейки» насчитывали по 150-300 комсомольцев. Редактор

предметно обсуждал с ними спорные темы и критические материалы, предвосхищая негативную реакцию. Это не было ни преклонением, ни доносительством – последнее ему вообще было не свойственно, так как всю ответственность он брал на себя, прикрывая подчинённых.

На мой взгляд, Иван Алексеевич в ту пору был в поиске себя как личности, как писателя. Душой горящий за вымирающие деревни, он мучительно искал компромисс между реальными событиями и теми ценностями крестьянского уклада, которые исчезали у нас на глазах. Вымирала деревня, обескровленная промышленным развитием.

Поэтому, с одной стороны, он по праву возглавил творческий коллектив, вокруг которого сформировался большой круг рабочих и сельских корреспондентов, да и комсомольский актив стремился высказаться о своих успехах и проблемах со страниц газеты. Было даже замечено, что тот, кто писал в «Орловский комсомолец», быстро продвигался вверх по общественной лестнице успеха. Это были в хорошем смысле слова карьеристы.

У Ивана Алексеевича был и большой личный актив: пять тысяч комсомольцев и молодёжи завода приборов горой стояли за Рыжова! Это была его реальная опора в массах! И не только коллектив завода.

В редакцию частенько наведывался второй, а после выдвижения Владимира Афонина на должность первого секретаря Мценского горкома партии, ставший первым секретарь обкома комсомола Анатолий Мерцалов. Они оба – Рыжов и Мерцалов – были комсомольцами «от станка». Один – бывший приборист, другой – бывший токарь завода погрузчиков, располагавшегося в полубандитской Завокзальной слободе, растянувшейся на несколько километров вдоль путей за железнодорожным вокзалом. За каждым был, как говорили, опыт работы в массах. И авторитет в конкретной молодёжной среде. За Ивана горой стояли, как я уже упомянул, пять тысяч прибористов! За Анатолия – тридцать тысяч комсомольцев Железнодорожного района.

Анатолий Мерцалов, в отличие от интеллигентного и на вид мягкотелого Рыжова, имел жёсткий характер. Но оба рубили с плеча правду-матку, как понимали – так и рубили. А понимали нередко по-разному. И оттого часто спорили. Нередко эти споры выливались в обсуждения на редакционных летучках. Хотя Анатолий Мерцалов почти каждую неделю приходил в редакцию, их споры не перерастали в ссоры. Это был своеобразный дискуссионный клуб, участие в котором, в той или иной мере, принимал весь коллектив.

Надо отдать должное тем партийным провидцам-кадровикам, которые исподволь выдвигали таких ребят из молодёжной среды как будущих лидеров областного масштаба. Оба, к слову сказать, преодолели и эту планку.

С другой стороны, Ивана Алексеевича – до сердечной боли – волновала судьба малых деревень, его родной Коровёнки, как он любезно называл родовую деревню Коровье Болото. Он прекрасно понимал, что десятки тысяч городских новичков, которые бросили село и уехали работать на новые предприятия Орла, Ливен, Мценска, уже не вернутся в родные места. Скоротечное «раскрестьянивание» огромных масс сельской молодёжи обернулось и невозполнимыми нравственными потерями. На мой взгляд, эта тема стала главной в «деревенской прозе» Ивана Рыжова.

Через творчество он, как личную трагедию, переживал невозможность остановить иссыхание деревни. Сочетание

невозможного, которого сумел достичь Иван Алексеевич в той обстановке – сущность его творчества.

Однажды прозвучала такая оценка его редакторской деятельности: «Не логично, но гениально», – сказал токарь Игорь Тихонович Эманов – заводской друг Анатолия Мерцалова. Фраза «от токаря» прозвучала в кругу комсомольских корифеев, какими были Анатолий Мерцалов, Иван Рыжов, Владимир Афонин.

– Ум за разум зайдёт от ваших споров! – подытожил Игорь очередной разговор в кабинете главного редактора. Все рассмеялись.

Игорь Тихонович обладал мгновенной реакцией, настолько быстрой, что птица колибри машет крыльями реже, чем он принимает решения. Дружеская оценка от него дорогого стоила. Он, кстати, продолжал работать на заводе до глубокой старости, хотя с тех самых 70-х годов прошлого века Анатолий Мерцалов пытался дать ему какую-либо должность, оторвать от станка. Тогда многие искали дружбы с Мерцаловым ради карьеры. Среди определённого контингента комсомольских вожakov считалось грехом не воспользоваться такой дружбой. Само в руки плыло!

Игорь был твёрд. Он – заводчанин. Поразительная черта его натуры. Твёрдость во всём. Время было такое? Или люди так были воспитаны? На заводе станки Мерцалова и Эманова стояли рядом. Вместе держались и на комсомольских собраниях. На одном из них присутствовал «партийный Ришелье» тех лет Николай Данилович Цикорев и имел неосторожность в общих чертах раскритиковать дисциплину среди молодых заводчан. Игорь толкнул в бок Анатолия: что сидишь, дай отлуп!

Мерцалов попросил слово и жёстко, хотя и культурно, отчитал главного партийного кадровика области: говорите конкретно, мы сами примем меры, разберёмся. Мы готовы помочь партии, но давайте по-деловому. Николай Данилович поёжился, но заметил бойцовского вожак. Думаете, чтобы мстить? Наоборот, начал всячески поддерживать и продвигать вверх талантливый организатор. Анатолий Мерцалов этого действительно заслуживал, что подтвердил всей своей дальнейшей жизнью. Как и Игорь Тихонович всей жизнью подтвердил, что он настоящий Рабочий человек. С очень большой буквы.

Повседневная практика нашего главного редактора была действительно не логична, но по результату – гениальна. Не в этом ли был его таланта редактора?

И, конечно же, аура доброты и соучастия, которая окружала его в повседневном поиске правды. Творческой правды, в которой и крестьянская скромность, и рабочая хватка, и соучастие, и сопричастность труду коллег по перу совмещались самым удивительным образом. В этом всё было не логично. Но в этом поиске не было и грамма попыток посеять смуту, как действовали некоторые журналисты в лихие 90-е (да и сейчас не против). В них было нечто иное, что невозможно рассматривать в отрыве от коллектива единомышленников, которые окружали редактора, и этот коллективный труд и рождал гениальные открытия своего времени.

7. Котёл «инквизиции»

Обстановка, в которой редактор молодёжной газеты Иван Алексеевич обязан был соблюдать определённые правила, определялась не только партийным контролем. Цензуру тоже никто не отменял.

Сейчас трудно поверить, что в редакцию частенько приходил Иван Дмитриевич Леденёв – главный цензор Орлов-

ской области и вкрадчивым голосом объяснял на собрании коллектива, что можно, а чего нельзя. И приводил примеры зловещих кар, которые могут последовать для тех, кто с ним не согласен. Кстати, на каждый материал ставился штамп или подпись дежурного цензора, иначе типография не начинала печатать очередной номер. Недавно случайно узнал, что в те времена и на стихи популярных «Песняров» ставился штамп «Разрешаю». Такие были времена...

Как быть в такой ситуации? Как руководить творческим коллективом, «полным задора и огня»?

Ещё несколько важных слов о завсегдатаях в кабинете главного редактора в Почтовом переулке.

Итак, токарь Игорь Эманов начинал на заводе вместе с токарем Анатолием Мерцаловым – они дружили всю жизнь. Комсомольский вожак Арнольд Зубов привёл к своему другу Ивану Рыжову чемпиона мира по спортивному пилотажу на Як-18 (когда-то Орловский аэроклуб ДОСААФ имел всемирную славу) Витольда Почернина. Обсуждали проблемы развития планёрного и парашютного спорта и, конечно же, спортивной авиации. Полярный исследователь Дмитрий Шпаро обратился за помощью к Анатолию Мерцалову, и он пригласил его также к Ивану Рыжову, чтобы журналисты помогли восстановить в Орле дом-музей геолога и полярного исследователя Владимира Русанова. Поэт Дмитрий Порушкевич привёз в Орёл молодого прозаика Юрия Казакова. Владимир Андреевич Мильчаков, который в 1966 году переехал в Орёл, обсуждал с Иваном Рыжовым творческие темы и будущее писательской организации. К ним присоединялись молодые поэты, и такие посиделки нередко затягивались до утра.

В неформальном кругу в редакторском кабинете обсуждали порой всё одновременно: как произведения молодых литераторов, так и творчество журналистов редакции, которые занимались текущей работой – готовили репортажи о жизни молодёжи области. В кабинете рождался творческий симбиоз репортёрского и литературного подхода к делу. Происходило и соединение комсомольских инициатив, возникающих в комитетах на местах, с творческими предложениями журналистов. Так, Светлана Дьячкина отправилась в составе делегации в г. Шелехов Иркутской области. Вернулась с восторженным рассказом об орловцах, уехавших на ударную комсомольскую стройку. От сибирских земляков Анатолий Мерцалов привёз тогда подарок – саженцы кедра, которые растут на Шелеховской аллее в лагере «Орловчанка». Деревья давно стали большими. Как вырос и развернулся талант многих журналистов, прошедших школу «Орловского комсомольца» во времена Ивана Рыжова.

Время быстротечно. Через десятилетие уже новое поколение писало свою историю газеты «Орловский комсомолец», что нашло отражение в юбилейном журнале Геннадия Майорова, который он так и назвал – «Мой „Орловский комсомолец“».

У каждого он действительно был свой, а творческие основы трепетного отношения к слову и к людям, о которых пишешь, заложены были тогда, во времена... нет, в эпоху Ивана Алексеевича Рыжова. В то славное время, о котором каждый причастный может вести свой рассказ.

Есть мнение, что творческое напряжение необходимо измерять в моцартах – в честь Вольфганга Моцарта, как электрическое в вольтах – в честь Алессандро Вольта. Почему и нет? Побочные эффекты схожи – магнетизм чувств, молнии эмоциональных разрядов, общественное возбуждение. Впрочем, понятна условность такого сравнения, хотя мы по-

стоянно чувствуем влияние талантов на каждого из нас. Они наполняют жизнь высокими смыслами. Эти смыслы и были стержнем молодёжной редакции.

8. Погасший свет

– Товарищи! Минуточку внимания! – Сергей Михайлович звучным, проверенным выступлением на комсомольских собраниях голосом сделал объявление для посетителей пивной:

– Здесь присутствует великий русский писатель, наш земляк Иван Алексеевич Рыжов. Ура, товарищи! Поприветствуем нашего известного писателя!

Раздались жидкие аплодисменты пьяной компании. Иван Алексеевич сжался в уголке за кружкой пива:

– Зачем вы так, Сергей, правильно я вспомнил ваше имя?

– Совершенно верно! – опять громко объявил Данилов. – Иван Лексев, вы же частенько приезжали к нам, на родину Дмитрия Блынского, в Дросково. А моя деревня – как раз между Покровским и Дросково. Мы и в Покровской, и в Дросковской школе не раз организовали для вас встречи с читателями, и к себе в деревню я вас с приятелями возил.

– Помню, да-да, помню. Не шумите вы так, – Рыжов выглядел расстроенным. Но народ уже не обращал на них внимания. За каждым столиком был свой пьяный галдёж.

Про случайную встречу в начале нулевых с писателем в пивной забегаловке, располагавшейся напротив дворца пионеров в Орле, рассказал мне Сергей Михайлович Данилов. Он в 70-е возглавлял райком комсомола Покровского района. Заметив в пивной писателя Ивана Рыжова, взбодрился, вспоминая былое. Что за народ вокруг? Не видят, кто с ними рядом? Великий русский писатель!

Сергей Михайлович всю жизнь оставался наивным романтиком. По прошествии нескольких лет он застрелился.

Пивные забегаловки расплодились в Орле во времена русской смуты, в лихие 90-е конца минувшего века. Народ заливал в них утраченные грёзы.

Эти годы упадка Иван Алексеевич переживал очень тяжело. С лица исчезла ироничная улыбка, взгляд потух, неуверенной, шаткой стала походка. Ему казалось, что всё пошло прахом. Вся жизнь – и страны, столь любимой, и его личная, потраченные творческие силы на защиту вот этих людей, которые сейчас окружали его в пивной.

Иногда Иван Алексеевич заходил сюда посидеть в уголке с кружкой пива и понаблюдать за посетителями. Никто не обращал на него внимания. Здесь будто оживали герои его рассказов. Но что лихолетье с ними сделало? Куда девались природный ум, любовь к родному краю, культура общения, деревенская скромность и воспитанность? В этом пьяном галдёже, похожем на крик распуганных выстрелом ворон, он еле улавливал дружеские слова приятельского общения о доме, о любимых, о родных местах. «Не всё потеряно, – утешал он себя, – не всё».

Хотелось бы верить.

Булгаков с Белозерской

«Бывают странные сближенья! — как говаривал «Наше всё». Об одной такой весьма оригинальной ситуации, которую знаю не понаслышке, а что называется «изнутри», хочу тут рассказать.

В ноябре 1976 года в журнале «Москва» на улице Арбат № 20 был впервые опубликован роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Первая часть оного в № 11. Главным редактором журнала был лауреат Государственной премии Михаил Николаевич Алексеев. В ноябре 2002 года там же был впервые опубликован роман моей доброй знакомой Маргариты Сосницкой «София и жизнь». Первая часть его вышла тоже в № 11. Главным редактором «Москвы» был тогда известный писатель Леонид Иванович Бородин. Казалось бы, какая тут связь?

В 2026 году исполняется 60 лет дебюту в «Москве» булгаковского романа и без года четверть века изданию в том же журнале романа Сосницкой. Судьба этого современного автора имела несколько знаменательных точек пересечения с булгаковским миром и наследием. Ну, хотя бы так: публикация культового романа Булгакова пришлось на совершеннолетие Маргариты. И когда она представлялась новым знакомым по имени, никто не хотел верить, все уличали её в намерении выдать себя за модную булгаковскую героиню.

Как сама она теперь вспоминает: «Однажды на вечеринке в кругу молодых людей из Донецка, среди которых присутствовали бывший студент Литинститута, большой авантюрист и «бретёр» Борис Рольник (1945–2006), а также режиссёр, художник-постановщик Анатолий Исаенко (сотрудничал с Пугачёвой), его помощник Виктор Назаров, она представилась Ритой. Через какое-то время помреж спросил:

- А, простите, Рита, вы случайно не Маргарита?
- Само собой разумеется!
- Шутить изволите? А паспорт засветите. Паспорта не лгут.

– Зачем ж ты скрываешь, Рита, что ты Маргарита! — восклицал далее помреж. — Мы тут ищем молодую Маргариту! Мы с Любовью Евгеньевной Белозерской-Булгаковой! Я у неё секретарь. Нам нужна Маргарита, чтобы отнести букет на могилу Михаила Афанасьевича! Ты знаешь, кто такая Белозерская-Булгакова?

- Нет.
- А Булгакова читала?
- Слава богу! Она и Булгакова читала!!! — торжествовал помреж, что эта Маргарита явно не безнадежная.
- У нас на районе оно в списках ходило, перепечатанное на пишущей машинке, — хлопала я ресницами.

МАСТЕР И РИТА

(Мемуарный набросок)

- Кто оно? — блефовал Назаров. — «Сердце»?
- Да, «Собачье». Его давали всего на одну ночь. Перепечатано под копирку. Я за ночь и прочла.
- Ну и как?!
- Дрянь, небось бы, не читала... (Тут и восторг, и хохот... сквозь слёзы, конечно).
- Ну, дак «Собачье сердце» посвящено как раз Любовь Евгеньевне, — профессорским тоном просветил меня помреж.

В результате сего знакомства Рита-Маргарита была представлена Любовью Евгеньевне, та была в светлом, кажется, бежевом плаще, и они вместе торжественно относили на могилу писателя на Новодевичьем кладбище букет красных гвоздик. Возлагала его Маргарита. Возле глыбы из чёрного камня, которая по легенде, говорят, предназначалась на могилу Н.В. Гоголя (да, посмертная судьба есть не только у рукописей, но и у надгробных камней). Какими-то таинственными путями он попал на место упокоения Мастера.

Булгаков родом из Киева, Гоголь с Полтавщины, Маргарита из Донбасса. Стихи она начала писать через год, в девятнадцать лет. А ещё через год по приезде в Москву, её взяли манекенщицей в Дом моделей на Кузнецком мосту, 12, на исторической улице, где ещё в начале XIX века был открыт «модный магазин Демонси». Вячеслав Зайцев временами вызывал нашу юную Маргариту на фотосъёмку для всеозюжного журнала, где и были размещены снимки красавицы в его платьях. Но мир моды быстро показался девушке наносной мишурой, ибо душу её посещали и похищали Музы. По ночам она писала стихи, статьи, попробовала перо в рассказах. Сожгла как Гоголь, Некрасов и всем известный персорнаж, сборник «Горсть пепла». Огонь, вода и медные трубы — обязательные три ступени посвящения.

В 1980 году Маргарита поступила в Литинститут на Тверском бульваре, 25, расположенном в особняке, где появился на свет А.И. Герцен. Вот чьё имя должен бы, согласно логике, носить институт. На четвёртом курсе, а это был 1984 год, Маргарита предложила организовать встречу с Любовью Евгеньевной Белозерской-Булгаковой, второй супругой Михаила Афанасьевича, которой он посвятил ещё и роман

«Белая гвардия» и пьесу «Бег» и, которая в 1932 году, к своему несчастью, познакомила его со своей приятельницей Еленой Сергеевной Шиловской (урождённой Нюрнберг). Говорят Шиловская, его уже третья жена, и стала прототипом романной Маргариты, но имя ей писатель позаимствовал скорее у любимой женщины доктора Фауста. Сам Михаил Афанасьевич-то предпочитал поэме Гёте – оперу Гуно, которую слушал до бесконечности.

Итак, легендарная Любовь Евгеньевна Белозерская-Булгакова, написавшая о нём мемуары «О, мёд воспоминаний», дала своё согласие на встречу с молодыми литераторами. Предложение встречи было с воодушевлением принято проректором Литинститута Евгением Юрьевичем Сидоровым, пропагандистом творчества Булгакова, грядущим министром культуры РФ, так что афиши, оповещающие об этом уникальном событии, украсили доску объявлений клуба институтского общежития на улице Добролюбова. Народ, пишущий и трепещущий перед мистическим корифеем литературы, собрался дружно толпой.

А Любовь Евгеньевна нет. Маргарита дозванивается по её номеру, где отвечает незнакомый голос и сообщает, что уважаемая Белозерская-Булгакова упала и сломала шейку бедра. Ей-то уже 89 лет.

Встретились Любовь Евгеньевна и Маргарита только летом 1986 года. Вдова Булгакова, проживающая недалеко от Новодевичьевого кладбища, уже не вставала с постели, две молодые женщины заботились о ней и её кошках. Маргарита явилась к ней с цветами, конфетами и томом «Мастера и Маргариты», чтоб взять на память автограф. Любовь Евгеньевна охотно подписала сочинение своего супруга. Явно ей было приятно сделать что-то полезное. Поклонница предложила ей сфотографироваться вместе.

– Что вы! – возразила больная, – я так плохо выгляжу. Вот выздоровею, приведу себя в порядок, и обязательно сфотографируемся.

Это был ответ истинной балерины: Любовь Евгеньевна училась в частной школе балета в СПб до войны 1914 года, а в парижской эмиграции танцевала в театральных труппах.

Маргарита чуть не возопила «Следующего раза не будет!». Но смиренно произнесла: «Разумеется, подождём, потом и снимемся для портрета».

Любовь Евгеньевна не стало 27 января 1987 года.

А том с её автографом Маргарита, уже выпускницей литинститута, отбывая на работу в La Statale (Миланский Государственный университет), оставила на хранение бывшему однокурснику, орловскому поэту и журналисту Л.М. Агибалову. Он, конечно, аргументировал причастность ко всей этой булгаковской эпопее тем, что генеалогические корни булгаковского рода находятся на Орловской земле.

По расследованиям местных журналистов, опубликованных в газете «Уездный город Ливны», цитата: «По материнской линии предки писателя – из Ливенского уезда. Прямой предок его Ануфрий Иванович Турбин значится в разборном списке Ливенского уезда 1666 года – «из детей

боярских», сословия, которому выделялось поместье за несение обязательной военной службы. Вероятно, земля ему была выделена в селе Парахино, основанном в 1615 году. Он был первый из рода писателя, поселившийся на ливенской земле.

Прадед М.А. Булгакова М.А. Турбин служил священником церкви Живоначальной Троицы, построенной в селе Троицкое Ливенского уезда в 1791 году. Дочь его Анфиса Ивановна Турбина вышла замуж за священника Михаила Васильевича Покровского (1830–1894), человека доброй души. Выпускник Орловской духовной семинарии, он служил в церквях Карачевского уезда Орловской губернии.

Варвара – одна из дочерей Анфисы и Михаила – мать знаменитого писателя, работала учительницей в Карачевской прогимназии. В 1890 году

вышла замуж за Афанасия Ивановича Булгакова (1859–1912), блестяще закончившего Орловскую духовную семинарию, а затем и Киевскую духовную академию, с 1906 года доктора богословия. В 1891 году у них родился первенец, которого нарекли в честь Архангела Михаила. Как видим, предки будущего писателя – священнослужители, но мальчика Михаила отдали в 1900 году в подготовительный класс 2-й гимназии Киева.

Ливенская бабушка Турбина играла немаловажную роль в воспитании внука Михаила. Став писателем, он использует фамилию бабушки в романе «Белая гвардия», в пьесе «Дни Турбиных». Фамилия эта распространена в ливенском крае.

К сожалению, Леонид Агибалов сбавил том с автографом в какой-то свой чёрный день за бешеные тогда деньги (25 рублей) книжечку из Ливен по фамилии Морозов. Когда Маргарита востребовала памятный том, однокурсник бросился в Ливны, готовый выкупить его обратно, но, оказалось, человек умер. И теперь ничего из «вещдоков», свидетельствующих об общении новой Маргариты со второй женой Булгакова и его Музой, не осталось. Кроме памяти.

О творчестве Булгакова Сосницкая недавно опубликовала в московской газете «Слово» весьма провокационную статью «Небесная партия гротескмейстеров пера». В ней она доказывает, что свита Воланда была «транспонирована» в культовый и всемирно известный роман из романа малоизвестного – «Шутка мецената», недописанного его автором Аркадием Аверченко. Статья была задумана в беседе с писателем Г. Каюровым и, безусловно, является сенсационной. Однако она подрывает нынешние каноны «булгаковедения».

А 60-й юбилей дебюта «Мастера и Маргариты» попадает на время, когда его литературной ладью, журналом «Москва», несущейся по штормовым волнам современности, правят выпускники Литинститута, серьёзные прозаики, литературные подвижники: главный редактор В.В. Артёмов и его заместитель М.М. Попов. Как они отметят эту знаменательную дату? Покажет время.

Л. КОЛЕНВАЛОВ,
журналист

Валерий АНИШКИН

Новый американец

(из книги «Потерявшиеся в России»)

Как-то ближе к осени позвонила Лена и радостно сообщила, что через месяц прилетает Реваз и что они вместе с Дадосхой, наконец, тоже уедут в Америку.

Вечером Лена зашла к Миле. Катя делала уроки в своей комнате, Владимир Сергеевич, как всегда, работал за компьютером в их спальне, которая днём служила кабинетом, и подруги сидели на кухне вдвоём, пили чай с печеньем, обсуждали предстоящий отъезд, но теперь у Лены радость сменилась смутным ощущением тревоги. Это чувство передалось Миле, ей было грустно, она как могла утешала подругу, пытаясь развеселить её, но кончилось тем, что они обе расплакались.

– Ну, в конце концов, ты едешь не на пустое место, – говорила Мила. – Там уже всё обустроено, есть жильё, и заработок у Реваза для начала вполне приличный. Хуже, чем здесь, не будет.

– Да я всё понимаю, – соглашалась Лена. – Но это ведь за тридцать земель. А здесь мама остаётся, вы.

– Лен, несколько часов лёта – это не за тридцать земель. Мы до Москвы с тобой шесть часов поездом едем. А маму твою мы не оставим, не беспокойся. Да и потом, она тоже, может быть, позже захочет к вам переехать.

– Да-а! – ревели Лена. – Знаешь, сколько стоит слетать в Америку? А вдвоём?

– Подумаешь. С американскими деньгами раз в год можно и на родину слетать! Да о чём мы говорим? – засмеялась Мила. – У тебя до отъезда ещё целый месяц. Чего раньше времени расстраиваться?

Через несколько дней всё вошло в привычное русло. Ощущение тревоги прошло, и ожидание утратило напряжённость первых дней. Лена свыклась с мыслью, что она уезжает и что это неизбежность, от которой не убежишь и не спрячешься, но сердце иногда вдруг начинало щемить от неясной тоски, и тоска эта разливалась горечью по всем клеточкам так, что хоть вой; но потом ничего, отпускало, уступая место рассудку. И тогда снова, теперь уже с нетерпеливым и сладким ожиданием, она начинала считать дни до приезда Реваза.

Месяц прошёл, и наступило утро, когда Реваз позвонил из Москвы, а к вечеру уже обнимал Лену и сына. Выяснилось, что у них до отъезда ещё целая неделя, и счастливая, Лена порхала бабочкой вокруг мужа, забыв все свои тревоги, одолевавшие её, словно приступы мигрени.

На следующий день Лена с Ревазом и Мила с Владимиром Сергеевичем вчетвером сидели в Лениной квартире за столом. Мила принесла свой фирменный пражский торт, и он украшал незамысловатый, наскоро собранный стол, хотя и выпивки, и закуски хватало. Здесь не было котлет, салата Оливье, винегрета и холодца, но стояли в открытых банках шпроты, на тарелках лежала аппетитно нарезанная буженина, желтела прозрачными ломтиками севрюга, розовели кружочки копчёной колбасы на тарелке, салат из свежих помидоров и огурцов утопал в майонезе, и целая картошка исходила паром, вызывая аппетит неповторимым, только ей присущим запахом и провоцируя чувство голода даже у сытого человека. Бутылка дорогого коньяка и бутылка «Хванчкаръ» часовыми застыли над всем этим великолепием.

– Ну, Реваз, рассказывай, как ты там? – сказал Владимир Сергеевич, когда выпили по рюмке и закусили.

– Да что рассказывать? Ты всё знаешь. Я и Ленке, и вам звонил. Привыкаю потихоньку. – Реваз выглядел усталым, но улыбался, и видно было по всему, что ему хорошо в кругу друзей, и он рад застолью.

– По телефону много не расскажешь, – возразила Мила. – Правда, Реваз, интересно же узнать, как там в Америке, от живого человека, а не из газет.

– Ну, вот говорят, что русские похожи на американцев. В них тоже

есть некая бесшабашность в характере, что роднит их с русскими. Это так? – Владимир Сергеевич отложил в сторону вилку и, скрестив руки на груди, приготовился слушать.

– Нет, не так. Лично я ничего бесшабашного в американцах не заметил. Разумный авантюризм, может быть. А то, что ты называешь бесшабашностью, скорее всего, чисто внешнее и обманчивое, от желания показать свою состоятельность, что всё идёт «о`кей». Первое, что бросается в глаза, когда приезжаешь в Америку, это то, что все улыбаются. В России внешне люди мрачные и хмурые, а американцы улыбаются. И, знаете, меня это скоро стало раздражать. Так и подмывало подойти и сказать: «Что ж ты, гад, лыбишься без причины?»

Лена с Милой рассмеялись.

– Я заметила, что ты уже тоже улыбаешься ни с того ни с сего, – заметила Мила.

– С волками жить – по-волчьи выть! – пошутила Лена.

– Ну-ну, ты про волков поосторожней! Это теперь тоже моя стая, и мне нужно учиться быть американцем, – полушутливо-полусерьёзно сказал Реваз. Он подцепил вилкой ломтик ветчины и стал жевать.

– Давайте-ка ещё выпьем, – предложила Лена, и Реваз взял коньяк и стал разливать по рюмкам.

– Американцы в отличие от русских никогда не жалуются и не делятся своими неприятностями с соседями и знакомыми. И если в России на вопрос «Как дела?» тебе выложат всё, что только возможно, а на вопрос о здоровье перечислят весь букет своих заболеваний, то американец коротко ответит, что дела идут хорошо, а здоровье отличное. Американец будет демонстрировать хорошее настроение независимо от того, как на самом деле обстоят его личные дела.

– Это понятно, – сказал Владимир Сергеевич, – потому что от того, как преподнесёт себя человек, зависит отношение к нему окружающих и, главное, работодателя.

– Да, – согласился Реваз. – Американцы считают, что, прежде всего, внешность открывает любые двери. Поэтому они так широко пользуются дезодорантами, духами, мятными таблетками, следят за зубами, ногтями и, кстати, душ принимают ежедневно. По статистике, красивые люди зарабатывают на 5% больше.

– Русские в этом отношении подкачали, – усмехнулась Мила. – Иной раз в троллейбусе от какой-нибудь дамы так шибанет потом, что хоть нос затыкай, а уж про мужиков я и говорить не хочу... Прошу прощения, не за столом будь сказано.

– Американцы как народ формировались в других экономических условиях. Может быть, не будь семнадцатого года, мы бы тоже не казались Америке и Европе такими дикими, – попытался заступиться за русских Владимир Сергеевич.

– А ты знаешь, Володя, простому американцу наплевать, что там у русских делается. Ему всё равно, принимает он душ ежедневно или нет, и что он думает про американцев. Но когда они сталкиваются с нашим образом жизни, они не понимают многое из того, что доходит до них из России. Например, они не понимают нашего отношения к пожилым людям и инвалидам. Когда они видят, как у нас, помогая инвалиду войти в автобус, его чуть не втаскивают туда за шиворот, они спрашивают, почему нельзя обеспечить автобус гидравлической системой, которая опускает ступеньку до уровня тротуара. В Америке все эти проблемы давно решены. Для американца инвалид – это такой же гражданин, как все. И это уже на уровне подсознания. И самое главное: нет этой русской брезливости к инвалиду. А это уже другой, более высокий уровень культуры... Вот сравните, могла бы быть такая терпимость здесь? Ежегодно по всей Америке проводят массовые марафонские забеги, и в этих забегах принимают участие инвалиды.

Забег длится два с половиной, три часа. Известен случай, когда к финишу прибежала или притрусилась, как хотите, бабулька через семьдесят четыре часа...

Реваз сделал паузу и, прочитав недоумение в глазах слушающих, с видимым удовольствием заключил:

– И все спортивные представители, судьи, машины скорой помощи ждали её, не высказывая какого-либо неудовольствия по этому поводу.

Реваз обвёл всех торжествующим взглядом, надеясь увидеть в ответ выражение одобрения

– Глупость! Иррациональная глупость! – охладил восторг Реваза Владимир Сергеевич.

– Вот оно чисто русское мышление! – обиделся Реваз. – А я считаю это проявлением культуры. Терпимость и сострадание американцам свойственны больше, чем русским. Они терпимы не только к старикам и инвалидам. Они терпимы и к чужой внешности, одежде, к иной манере поведения, потому что, прежде всего, ценят свободу во всех её проявлениях.

– Извини, Реваз. Я понимаю, ты уже почти американец, и тебе по штату, извини за каламбур, полагается хвалить Америку. Но, поверь мне, ты всё равно в глубине души останешься советским армянином, и душа у тебя больше русская, чем американская. Я категорически заявляю, что ты более духовный, чем любой американец. И духовность эта не поверхностная на показ, а глубинная, которую клещами не вырвать и никакими ядами не вытравить. Так что не надо говорить об американской духовности и американском сострадании. Это у них не генетическое, а благоприобретённое и проявляется настолько, насколько требует закон и общепринятый порядок. Американское общество сделано искусственно конституцией, логикой и законами. Так как болит душа у русского человека, не болит ни у кого, и страдает русский человек на всю катушку. Запоют цыгане про очи чёрные и очи страстные, русский обрыдается. Пушкин ходил к цыганам в табор пострадать под цыганскую песню. И гуляет русский «во всю Ивановскую» так, как никто не умеет. И отдаст всё до последней рубахи из сострадания к ближнему...

Реваз хотел что-то возразить и чуть привстал из-за стола, но встретился с твёрдым взглядом Владимира Сергеевича и снова опустился на стул. Владимир Сергеевич замолчал вдруг, словно устыдившись пылкости своей речи, и сказал спокойным ровным голосом:

– А насчёт глупости, согласишься, что благоразумнее было бы оставить на финише одну скорую помощь и одного или двух спортивных представителей, чтобы дожидаться, когда прикандыляет упрямая бабулька.

– Володя, – мягко сказал Реваз. – Это патриотично, защищать свою страну и свой народ. И это по-американски. Жаль только, что русские сами часто хаот Россия и всё чаще поворачиваются в сторону Америки.

– Это сегодняшние государственные мужи поворачиваются в сторону Америки, вместо того чтобы использовать лучшие качества своего народа и вести страну по своему пути, а не по чужому.

– Но неужели плохо жить по правилам, чтить закон и Конституцию на деле, а не на словах, быть законопослушным гражданином, патриотом своей страны, а не вести себя как вздумается. В Америке частная жизнь – «privasy» – это неприкосновенно. Посягательства на частную жизнь, воровство, мошенничество ставят вне закона и сурово караются. Системы правопорядка защищают личность от произвола, насилия, вмешательство в частную жизнь не на словах, а на деле, потому что в Америке считается высшим достоинством быть свободным.

– Поэтому в Америке назначают сроки заключения, которые могут составлять сотни лет. Ещё одна глупость!

– А не глупость давать за убийство пять лет, а потом выпускать через год на свободу, – парировал Реваз. – Да у вас здесь всё с ног на голову перевернуто. Убийцы гуляют на свободе, судебная система насквозь прогнила, судьи продаются, как проститутки, братки судят по своим понятиям честнее, чем прокуроры. И что ты защищаешь, не понятно, – разозлился Реваз.

– Не спорю. Крутом бардак и коррупция. Но так не будет всегда... Заметь, Реваз, и в Америке тоже не всегда всё было в порядке. Вспомни, как шло первоначальное накопление капитала, вспомни «великую депрессию» и массовую безработицу. А если говорить о посягательстве на личную жизнь и свободу, то вспомни Гувера, когда велась тотальная слежка за каждым, когда подозрительность царилась в обществе, и любой американец мог быть арестован по незначительному поводу.

– Вот эти решительные меры и спасли свободную Америку. Компартия была запрещена, и это стало благом для Америки, а то коммунисты и Америку превратили бы в нищенскую и дикую страну, как они превратили Россию. Кстати, это всё в прошлом.

– Да, сегодняшним американцам и тебе вместе с ними повезло, что вы попали на пик благополучия, в котором сейчас находится Америка. Согласись, что ты не поехал бы жить за океан во времена Гувера или «великой депрессии».

– Обидно, что ты обо мне так думаешь! – Реваз резко отодвинул от себя тарелку, и она откликнулась металлическим звоном, наткнувшись на вилку. – Ты знаешь, почему я уехал в Америку! Потому что меня вытолкнули из моей родной Армении и из Азербайджана, а Россия, где я хотел найти вторую родину, меня тоже не приняла. Я здесь был «лицом кавказской национальности», а в Америке я американец, полноправный гражданин этой страны, и меня, где бы я ни оказался, будет защищать государство и армия. Меня уже попробовали остановить ваши менты в Москве, но посмотрели мой американский паспорт и взяли под козырёк. И я в этот момент почувствовал гордость за то, что я американец. А теперь скажи, как я должен относиться к Америке, которая, я надеюсь в это, станет моей второй родиной? И жаль, что это не Россия. Но России я не нужен. Боюсь, что и ты, Володя, ей не нужен, иначе она бы тебе, доктору наук, учёному, не платила бы гроши, которые у вас называются прожиточным минимумом.

– Прости, Реваз, я не хотел тебя обидеть. И реплики мои не имеют никакого отношения к личному. Ты мой друг и, надеюсь, останешься им. А в лицемерии ты меня упрекнуть не можешь. Просто я не настроен так восторженно, как ты, и хочу сказать, что не всё так просто, и что иногда даже очевидные вещи могут быть неоднозначными. Как говорится, палка всегда о двух концах... Ну, вот смотри, американцы стремятся к независимости. Для них характерна вера в собственные силы, стереотип американца: хорошая работа или свой бизнес, создание семьи, собственный дом и автомобиль.

– Да, и это хорошо. В Америке трудолюбие и деловитость – достоинства, а работа – источник благосостояния. Там уже ребёнку внушают: «сделай себя сам!» и поддерживают в нём самостоятельность. Молодёжь не гнушается любой работой и стремится к материальной самостоятельности. Достигнув совершеннолетия, дети обычно покидают дом, самостоятельно выбирая свой путь...

– Это прекрасно, – перебил Владимир Сергеевич. – Но в то же время эта независимость, способность изменить судьбу хороша для деловой жизни, а в браке эти достоинства оборачиваются своей противоположностью, приводя к конфликту двух личностей, стремящихся к утверждению собственного «я». И в результате, американцы предпочитают послушных, покладистых и душевных русских женщин, к тому же красавиц, своим деловым американским.

– Так что, Реваз, американцы завидуют тебе, потому что рядом с тобой будет теперь покладистая русская женщина, – весело сказала Лена.

– Надо добавить ещё: умная и красивая, – засмеялась Мила.

Реваз притянул к себе Лену, обнял и поцеловал.

– Чего там американцы? Я сам себе завидую, – с улыбкой промолвил Реваз, взял коньяк и налил всем в рюмки. – Предлагаю тост. За русских женщин, самых красивых в мире.

– То-то! – серьёзно согласилась Мила. – Здесь мы точно впереди планеты всей.

За столом стало оживлённо, шутили, рассказывали анекдоты...

За разговорами просидели допоздна. Пить уже никто не хотел, и Лена пошла ставить самовар. За чаем опять заговорили об Америке.

– Вот у вас там, я знаю, считается нормой позвонить в полицию

и сообщить о своём подозрении в отношении соседа или донести на своего коллегу по работе, – сказал Владимир Сергеевич. – Тебе не кажется, что это как-то подленько, что ли?

– Это с твоей точки зрения, – возразил Реваз.

– А с твоей? – Владимир Сергеевич внимательно посмотрел на Реваса. – Ты тоже доносишь?

– Я не доношу, – насутился Реваз. – Но считаю, что нет ничего предосудительного, если негодяи или нечистого на руку подлеца выведут на чистую воду. Если эти люди мешают жить честным американцам, почему они должны оставаться безнаказанными... Да, в Америке сотрудничество с властями поощряется, и норма поведения – это честность, честность во всём. В американской школе, например, не принято списывать на уроках и пользоваться шпаргалками, а в бизнесе не принято нарушать обязательства.

– И что, если в школе кто-то списал, донесут? – в голосе Милы была ирония.

– Скорее всего, донесут, – мрачно подтвердил Реваз, и видно было, что это ему совсем не по душе.

– У нас за это тёмную делали, – с удовольствием сказала Мила.

– На Руси издавна сложилась поговорка: «Доносчику – первый кнут», – согласился Владимир Сергеевич. – И это определяет характер и заложено в культуре русского человека. Не выдавать властям – это менталитет порядочного человека.

– Это потому что у вас в России власть никогда не была народной. Парадокс: вы воюете с властью, которую сами избираете... У вас на дорогах чёрте что творится, а водители, вместо того чтобы соблюдать правила движения, ещё и помогают их нарушать. Они дружно сигналият фарами, предупреждая о наличии поста дорожной полиции с радаром, будьте, мол, бдительны. Тебе не кажется, что это какая-то ненормальная солидарность с точки зрения нормального человека? Так для чего вам в таком случае вообще полиция?

– У нас милиция – поправил Владимир Сергеевич.

– Прошу прощения, милиция. Суть дела не меняет. Так для чего вам милиция?

– Чтобы карась не дремал, – засмеялась Мила.

– Чтобы взятки с автолюбителей брать, – добавила Лена.

– А вы не давайте! – жёстко возразил Реваз. – Платите в банке. – Так нет же, вы дорожите своим временем, которое потом всё равно потратите впустую. Да скорее всего, это просто разгильдяйство. Вам лень ехать в банк, проще сунуть пару долларов в руку гаишнику. А если бы задумались о том, что вы этим кормите огромный штат бездельников, этого бы не было... Вот скажи, Володя, почему в России люди ходят по газонам, а не по пешеходным дорожкам?.. Рядом – асфальтовая дорожка, а вы прётё напрямик через газон, а экономия составляет при этом три-четыре секунды. Эти три секунды решают судьбу или это вопрос жизни и смерти?

– Да нет. Скорее всего, дорожки делают там, где не нужно, на авось, – объяснил Владимир Сергеевич.

– Нет, Володя, это элементарное российское разгильдяйство. Мы не приучены были ценить чужой труд. Я прошёл вчера по городу до парка, смотрю, на автобусных остановках стоят красивые новые павильоны. Но стёкла уже выбиты или разрисованы спреями. Как так можно? Это же ваш город!

– Уроды, Реваз, везде есть. Что, в Америке не бьют стёкла?

– Правильно. Как говорится, урод – он и в Африке урод. Но для этого у нас и существует полиция, которая не вашей милиции чета. В Америке полицейского боятся как огня. Это ваши шибздики ростом по «метру пятьдесят с кепкой» сами от бандитов бегают, а в Америке полицейский – это полицейский. И я невольно возвращаюсь к вопросу, стоит доносить или нет. У вас же всё безобразия происходят на глазах, а вы проходите мимо. Я тебе, Володя, скажу так: вы скоро потеряете своё государство, потому что не любите его. Вы живёте в своих норах как кроты. В своей квартире вы можете навести порядок, а за дверью для вас всё чужое. Лестничные площадки за редким исключением загажены, дворы грязные, улицы с разбитыми автобусными остановками. Русские сами себя не уважают. А поэтому у вас президент – алкоголик. И вы его терпите и будете терпеть. Да в Америке его давно бы уже в отставку отправили.

– Что-то вашего Клинтона в отставку за Моника не отправляют, – ехидно заметила Лена.

– Леночка, скоро Клинтон станет и твоим президентом, так что прояви благоразумие и переходи на сторону мужа, – с улыбкой посоветовал Мила.

– Не, я, наверно, такая дура, что до конца жизни останусь с русскими, даже в Америке.

– Вот тебе и «пятая колонна», – засмеялся Владимир Сергеевич.

– Пустая любовная интрижка не мешала Клинтону быть Президентом. Кстати, если бы народ не симпатизировал ему и не поддержал, то он бы за милую душу вылетел из президентского кресла... А в России всё с вывертом. Я не представляю, что нужно совершить, чтобы кто-то из ваших высших чиновников ушёл в отставку. А о депутатах я вообще не говорю. Эти со своей неприкосновенностью творят, что хотят. То рядятся в шутовские наряды, то друг друга за волосы таскают. По вашему Жириновскому психушка плачет, а за него голосуют четырнадцать процентов населения. Володя, ваше общество больное, и ему нужна срочная неотложная помощь. Вам нужно ровняться на Америку и учиться у неё.

– А это ты шалишь, брат! Нечего нам ровняться на Америку. Поучиться чему-то, да! А ровняться? Извините! Мы должны идти своим путём. Мы не столько европейцы, мы в большей степени – азиаты. У нас на Востоке Китай и Япония, а на Ближнем Востоке – Иран, Ирак, Афганистан.

– Мы пьём и посуду бьём, а кому не мило – тому в рыло, – с серьёзным выражением лица сказала Мила.

Лена засмеялась. Владимир же Сергеевич и Реваз на слова Милы никак не прореагировали.

– Да Ленин уже сходил «своим путём!» – едко заметил Реваз. – Только по пути столько дерьма оставил, что за сотню лет не разгрести. Вот ваши богатые люди сидят на деньгах, жируют, развлекаются, а кругом нищета. Но спроси, многие из них помогли бедным? Да они последнее отнять у него готовы, чтобы своё ненасытное брюхо ещё туже набить. Зависть к партнёрам, злоба. Я в России три дня, а только и слышу: тот того «заказал», тот другого.

Американские состоятельные люди с большим капиталом в первую очередь стремятся оставить память о себе у своих сограждан и часто в ущерб прямым наследникам создают фонды и отдают деньги на университеты, музеи, художественные галереи, помогают студентам, учёным. И никакой злобы и зависти друг к другу. А в России совесть и богатство вещи несовместимые.

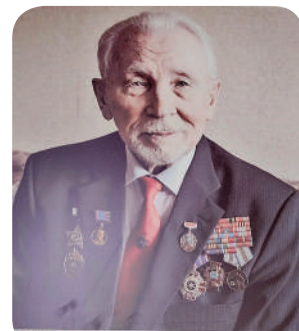
– Реваз, давай прекратим этот разговор. Он иррационален. Бессмысленно проводить параллели и выяснять, что такое Россия и что такое Америка в то время, когда, как ты говоришь, Россия больна. Это всё равно, что лежачего пинать ногами. Но в лучшие времена, и ты это отлично знаешь, были у нас и меценаты, и не только такие как Третьяков и Савва Морозов, но и целый ряд безвестных, которые считали естественным долгом помогать своим бедным соотечественникам. И ещё будут.

– Да я тоже верю, – после небольшой паузы сказал Реваз. – И мне хочется, чтобы в России было так же сыто и хорошо, как в Америке. Иногда мне кажется, что русского человека надо разозлить, показав ему благополучную страну вроде Америки, а потом ткнуть его в дерьмо, в котором он привык жить, и сказать: смотри, ты этого для России хочешь? А если русских разозлить, они в кровь расшибутся, а добьются для России того места, которого она достойна. Если русские проснутся, то начнут думать, кого выбирать и за кого голосовать. И тогда уж они не потерпят над собой ни пьяного президента, ни погрязшего в коррупции правительства, ни бесполовую Думу... А вам я признаюсь: я часто ловлю себя на мысли, что принимаю как личное оскорбление, когда мои знакомые в Америке начинают говорить о России пренебрежительно, и как могу, защищаю Россию. Чёрте что!

– Я же говорю, что быть россиянином – процесс необратимый, это уже где-то на подсознательном уровне, – сказал Владимир Сергеевич. Все засмеялись.

Разошлись глубокой ночью. Благо, новый дом, где купили квартиру Шаневы, был в двух шагах.

Лев ЛОПУХОВСКИЙ

КАТАСТРОФА В РАЙОНЕ ВЯЗЬМЫ, которую можно было предотвратить

Продолжение. Начало в № 66

Сейчас приходится только сожалеть, почему И.С. Конев не использовал возможности фронта по усилению направления Шелепы, Канютино в огневом отношении. Хотя в его распоряжении было такое мобильное и мощное средство огневого поражения, как 10-й гв. мп (миномётный полк «Катюш»), а также батареи БМ-13, приданные 30-й и 19-й армиям. Не понятно, почему не использовали ночные вылеты самолётов По-2 для разведки в тылу противника. При движении танков по узким гатям в ночное время невозможно соблюдать светомаскировку. Они были бы наверняка обнаружены. И при обнаружении колонн к утру на это направление можно было подтянуть приданные фронту средства.

Забегая несколько вперёд, отмечу, что по немецким данным, к рассвету 2 октября на лесном участке шириной 2 км выстроились в двух колоннах оба танковых полка 6-й и 7-й тд танковой группы Г. Гота, а также танков ещё одной – 1-й тд севернее (всего более 300 танков). И это не считая нескольких артдивизионов с выложенными на грунт снарядами.

Можно представить эффект двух или трёх залпов двух батарей «Катюш» 30-й и 19-й армий и приданного фронту полка РС «Катюш» по танковым колоннам и артбатареям, разместившихся на узких лесных дорогах! Там всё бы горело и взрывалось. В результате намеченный удар был, если не сорван, то намного ослаблен. Увы...

Поскольку в Генштабе по-прежнему считали важнейшим направлением Ярцево–Вязьма, 44-летний генерал-полковник И.С. Конев, только 12 сентября ставший командующим войсками Западным фронтом (ЗапФ), не стал принимать меры по усилению канютинского направления в огневом отношении. Он был настроен точно выполнять указания Генштаба.

Между тем, командующий 16-й армией генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский не исключал возможности такого развития обстановки, при котором может возникнуть необходимость в отводе войск в глубину обороны. Он предусмотрел в плане обороны армии порядок действий войск на случай вынужденного отхода. Но И.С. Конев заявил – никаких манёвров, отступать не будем! И приказал переработать план обороны и представить его на утверждение к 29 сентября 41 г.

Группировка его войск Резервного фронта так же осталась без изменения со времени успешного завершения 6 сентября ельнинской операции. Его командующим 13 сентября был назначен маршал С.М. Будённый, отстранённый перед этим от должности главкома Юго-Западного направления за предложение отвести воска на новый рубеж в связи с угрозой их окружения. Киевская оборонительная операция закончилась поражением наших войск (потери составили более 600 тыс. человек). Можно представить настроение маршала.

В первом эшелоне фронта между Западным и Брянским фронтами в полосе шириной 108 км оборонялись 24-я и 43-я армии (всего сд – 10). Фронт должен был сосредоточить основные усилия обороны на направлении Рославль–Москва

(вдоль Варшавского шоссе). Здесь в полосе шириной 70 км по-прежнему оборонялись войска 43-й армии. В первом эшелоне оборонялись три дивизии и часть 145-й тбр, во втором – 113-я сд (из 33-й армии), в резерве – 148-я тбр. Глубина обороны армии составляла всего 15-20 км.

Более мощная 24-я армия (сд – 6) оборонялась в полосе шириной 38 км, имея в первом эшелоне три дивизии, во втором – две. Резерв армии составляли 170-я сд, две тбр и полк ПТО.

Три армии фронта (31-я, 49-я и 32-я) занимали оборону за Западным фронтом на Ржевско-Вяземском оборонительном рубеже. 33-я армия располагалась за 24-й и 43-й. Соединения этих четырёх армий были развёрнуты на фронте протяжённостью 258 км. По существу, они составляли резерв Ставки ВГК, но по инерции оставались в подчинении С.М. Будённого, штаб которого располагался в г. Гжатске в 200 км от переднего края обороны. Возможно, это мешало Семёну Михайловичу вникать во все вопросы подготовки фронта к отражению удара противника.

К тому же имеющиеся в составе фронта четыре танковые бригады и авиационные части по-прежнему оставались в подчинении командующих армиями. Это существенно снижало возможности командующего фронтом реально влиять на ход боевых действий. Трудно объяснить, почему он не усилил 43-ю армию за счёт 24-й и не переместил резервы фронта ближе к направлению, за которое отвечал.

Можно было бы усилить левое крыло фронта за счёт 24-й армии, в которой по инерции оставалось более тысячи орудий. Тем более, что Будённый не в полной мере выполнил требование Ставки о надёжном прикрытии стыков между фронтами. Выделенная дивизия не была усилена артиллерией. По полевому уставу правый сосед отвечает за стык с левым. Видимо, Будённый понадеялся на Ерёмченко, которому было приказано обеспечить стык с Резервным фронтом.

С утра 2 октября войска Группы армий «Центр» начали операцию «Тайфун». Главный удар был нанесён в стык Резервного и Брянского фронтов, обороняемый двумя стрелковыми дивизиями (по одной от каждого фронта). Удар был нанесён силами пяти корпусов 4-й и 2-й армий, в составе которых было 15 дивизий, из них 4 танковых (всего не менее 600 танков). Роль танкового тарана выполняла 4-я танковая группа генерала Гёпнера. Одиннадцать вражеских дивизий (из них две танковых) 4-й армии при мощной поддержке артиллерии и авиации атаковали на фронте до 60 км, сосредоточивая основные усилия на участке между Варшавским шоссе и железной дорогой на Киров. Прорвав главную полосу обороны, противник для развития наступления в глубину ввёл в бой три танковые дивизии. К исходу дня его передовые соединения, продвинулись на 40 км.

В боевом донесении на 14.20 4.10 штаб РезФ доложил:

«1. С утра 4.10 противник продолжал развивать удар мотомехчастями во фланг и тыл 43-й армии в общем направле-

нии на Спас-Деменск. Вспомогательный удар – вдоль Варшавского шоссе. К 8.45 противник перерезал шоссе».

Маршал Будённый ошибся в оценке сил и намерений врага. Главный удар немцы наносили силами двух моторизованных корпусов 4-й ТГр, в составе которых было четыре танковых дивизии, вдоль Варшавского шоссе на г. Юхнов, что северо-восточнее Спас-Деменска. Они стремились вырваться на оперативный простор, чтобы окружить основные силы не только Резервного, но и Западного фронта.

Положение наших войск ухудшалось с каждым часом. Соединения 43-й армии под ударами противника начали неорганизованный отход в северо-восточном направлении, обнажив левый фланг 24-й армии. 4 октября немцы заняли Спас-Деменск, продолжая теснить части 43-й армии. Одновременно они развивали наступление севернее – на Юхнов. При действиях в оперативной глубине им не нужно было заботиться об открытых флангах.

Но войска 24-й армии генерал-лейтенанта А.И. Ракутина продолжали удерживать фронт в районе Ельни. С началом немецкого наступления он предупредил командиров соединений и частей о том, что приказа на отход он не отдаст. К середине дня 6 октября противник вышел на рубеж Пятница–Лосьмино, что в 18 км южнее Вязьмы и восточнее железной дороги Вязьма–Киров, то есть оказался глубоко в тылу армии Ракутина.

Организовать контрудар силами армий второго эшелона Будённому не удалось. В конечном счёте, маршал потерял управление войсками фронта. Забегая несколько вперёд, отметим, что через трое суток – к 5.30 5 октября немцы неожиданно для нашего командования овладели г. Юхновом в 120-130 км от переднего края обороны и в 190 км (по прямой) от столицы! Танковые колонны противника на Варшавском шоссе обнаружили лётчики ПВО Москвы.

Это оказалось полной неожиданностью для Генштаба, в которую там поверили после трёхкратной проверки. Но это отдельная история, которая отражена в широко известном фильме. После этого Сталин решил отозвать Г.К. Жукова из Ленинграда, чтобы разобраться в реальной обстановке на подступах к столице.

Рассмотрим обстановку в полосе обороны Западного фронта, где с утра 2 октября к операции «Тайфун» подключились войска 9-й и 4-й полевых армий ГА «Центр». 2 октября 41 года в 7.00 противник начал артиллерийскую подготовку во всей полосе Западного фронта. В ходе неё немцы применили дым, чтобы затруднить ведение огня артиллерией русских и ввести их в заблуждение относительно намеченных участков прорыва.

В полосе обороны 16-й армии наша артиллерия немедленно ответила контрподготовкой, в которой приняли участие артиллерия и миномёты шести артольков трёх дивизий армии, в том числе и приданный ей дивизион РС «Катюш» и артиллерия 50-й сд 19-й армии (всего до 300 орудий калибра 76-мм и выше). Атака противника была сорвана, а его огневые средства подавлены. Но потом выяснилось, что немцы на этом участке лишь демонстрировали наступление вдоль дороги Ярцево–Вязьма. И наш артиллерийский удар пришёлся в основном по частям 255-й пд противника, которая одна сковывала три наших дивизии.

А главный удар 9-я армия нанесла севернее – в стык 30-й и 19-й армий, – там, где и предполагал Конев. Здесь против двух наших стрелковых дивизий перешли в наступление четыре корпуса (в том числе два танковых) 3-й танковой груп-

пы Г. Гота. Южнее наступал 8-й армейский корпус. В составе этой группировки было 16,5 дивизий, в том числе три танковых и две моторизованных (всего 450-460 танков).

Результат предсказуемый – в первый же день главная полоса обороны 30-й армии на участке у д. Шелепы была прорвана, и противник начал развивать наступление в глубину и в сторону правого фланга 19-й армии, стремясь выйти в её тыл. В сражение немцы сразу ввели три танковые дивизии, которые начали развивать наступление на Холм-Жирковский и Вязьму.

Авиация противника активно поддерживала наступающие части. В первый же день операции, начиная с 18.00, три группы по 14-16 пикирующих бомбардировщиков нанесли удар по командному пункту Западного фронта, располагавшемуся в районе ст. Касня (18 км севернее Вязьмы). В результате проводная связь фронта с подчинёнными штабами была выведена из строя, управление войсками в значительной степени дезорганизовано. Штаб фронта почти три месяца находился на одном и том же месте. О нём знали все: беженцы, даже я, пацан, и конечно, немцы, которые выжидали нужный момент для удара.

В штабе 9-й полевой армии врага подвели итог:

«Первые позиции везде прорваны. Внезапность удалась. Противник слабый по численности, но упорно сопротивляющийся, без сильной артиллерийской поддержки». Командующий 3-й ТГр Гот отметил, что «Прорыв был осуществлён с неожиданной лёгкостью 2 октября, при сухой погоде. 8-й авиакорпус вновь оказал наземным войскам эффективную поддержку. Сопротивление противника на участке прорыва танков было менее упорным, чем мы ожидали».

О какой внезапности ведут речь немцы? К отражению ударов врага наши войска готовились, вели разведку, строили укрепления, минировали танкоопасные направления. Но врагу, не имевшему существенного общего превосходства в силах над нашими войсками, за счёт решительного массирования имеющихся сил и средств на направлениях ударов удалось добиться подавляющего превосходства над нашими войсками. И тем самым добиться оперативной внезапности. В этом мы убедимся, рассматривая дальнейшие события.

В результате ошибок и грубых просчётов, допущенных при подготовке обороны, и нерешительности командующих войсками фронтов уже в ходе сражения, и возникли предпосылки последующей катастрофы. С каждым днём успешных действий противника шансы избежать окружения и катастрофы уменьшались. Именно это и имел в виду Г.К. Жуков.

Война всему научит. Со временем и наши командующие научились обманывать врага в отношении своих замыслов, разрабатывая специальные мероприятия по его дезинформации. Устраивая ложные позиции, командные пункты и аэродромы, устанавливая на них макеты орудий, танков и самолётов. Стали тщательно маскировать расположение командных пунктов в зависимости от метеословий и времени года. И у нас в 1942 году появились танковые армии, которые не сразу, но научились эффективно применять в ходе наступательных операций. И тот же И.С. Конев в одной из них сумел ввести в сражение через узкий участок сразу, одну за другой, две танковые армии! Но это будет потом.

А пока инициатива и успехи были на стороне врага. К исходу 3 октября обстановка резко ухудшилась. Контрудар силами опергруппы генерала И.В. Болдина без должной артиллерийской и авиационной поддержки лишь несколько за-

держал продвижение главных сил противника. Авиация противника, обнаружив выдвигание резервов фронта, нанесла удары по колоннам 152-й сд и 101-й мсд опергруппы, которые опоздали с выходом в назначенные им районы.

Передовые отряды 3-й танковой группы Гота прорвались к Днепру. Мотоциклетный батальон 6-й тд обошёл район боя у Холм-Жирковского севернее и с ходу в 19:30 захватил подготовленный к подрыву мост у д. Тиханово. Немцам это удалось благодаря простой уловке. Их мотоциклисты, следуя за отступающими колоннами тыловых подразделений русских, беспрепятственно проехали по мосту и только тогда открыли огонь. На восточный берег реки тут же переправился батальон моторизованного полка противника, усиленный артдивизионом и двумя противотанковыми ротами.

Примерно в это же время передовой отряд 7-й тд также захватил у д. Глушково (севернее Тиханово) исправный мост грузоподъёмностью 32 тонны. Танки дивизии подошли туда в 22:50. Часть из них сразу же переправилась на восточный берег Днепра. К утру следующего дня немцы несколько расширили захваченные плацдармы, и перешли к обороне.

Захват немцами мостов был облегчён тем, что части 248-й сд 49-й армии РезФ, занимавшая оборону севернее устья р. Вязьма (приток Днепра), оставив свои участки обороны, с 1 октября начали выдвигаться к ст. Ново-Дугинская для отправки на юг. Характерно: о внезапном захвате противником двух исправных мостов и создании плацдармов на Днестре в Ставку никто так и не доложил. В оперсводке Генштаба за 5 октября лишь упоминается, что «<...> противник пытается овладеть Тихановской переправой». О мосте у Глушково сообщалось, что идёт бой за переправу. При этом были названы пункты на западном берегу р. Днепр! О том, что противник уже захватил плацдарм на восточном берегу – ни слова!

В это время как раз и дал знать о себе просчёт Ставки ВГК, которая в своё время не организовала взаимодействие войск Западного фронта с армиями Резервного, занимавшие оборону в его тылу. В районе захваченных немцами плацдармов сложилась явно ненормальная ситуация, когда действующие здесь соединения подчинялись трём разным командным инстанциям: 19-я армия и опергруппа генерала Болдина Западному фронту; 2-я и 140-я сд – 31-й армии Резервного; а 248-я и 220-я сд – 49-й армии, соединения которой грузились в эшелоны для отправки на юг. При этом действия всех этих инстанций не были согласованы. Даже связи между ними не было!

В это время всё внимание Ставки ВГК и её главного органа управления войсками – Генштаба было приковано к событиям на Брянском фронте. Дело в том, что 3 октября враг внезапно, практически без боя, захватил Орёл, важный пункт в 360 км от Москвы. Танки Гудериана, продвинувшись за три дня на 230-250 км в глубину обороны фронта, на 4-й день без боя въехали в город, двигаясь рядом с городскими трамваями. Дороги на Брянск и Москву прикрыть было нечем. Совинформбюро о том, что наши войска после ожесточённых боёв оставили город Орёл, сообщило только 8 октября.

Донесения о «просочившихся» мелких группах танков и мотопехоты противника в оперсводке штаба Западного фронта на этом фоне не внушали особой тревоги. Поэтому в Генштабе, не сразу оценив угрозу прорыва противника к Вязьме, лишь отменили 3 октября отставку на юг 248-й сд 49-й армии. Если бы в Москве узнали о захваченных мостах и плацдармах, то, возможно, решили бы объединить все силы в этом районе командующему ЗапФ.

Командующий 32-й армией генерал Вишневецкий приказал командиру 140-й сд ликвидировать плацдарм противника у Тиханово. Но тот не понял важность поставленной задачи и выделил для её выполнения по одной стрелковой роте от трёх батальонов из полка витебского эшелона!

А сам И.С. Конев в этой обстановке не последовал совету своего заместителя и не решился предложить Генштабу подчинить ему все силы в районе прорыва противника. В то же время он медлил с принятием решительных мер по усилению угрожаемого направления. Было ясно, что противник с захватом плацдармов на серьёзной водной преграде, вряд ли будет менять направление главного удара и попытается завершить замысел на окружение. Надо было смело перегруппировать свои силы с пассивных участков.

А силы и средства для этого у командующего фронтом были. По-настоящему воевала одна треть стрелковых дивизий фронта – 11 из 32. Пока войска 30-й и 19-й армий и опергруппы генерала И.В. Болдина истекали кровью, сдерживая врага, соединения остальных четырёх армий фронта «стойко отражали» его демонстративные атаки. Например, 3 октября из штаба 16-й армии К.К. Рокоссовского в 12.20 доложили об отражении психических атак противника. Потери армии составили за сутки: 4 убитых и 10 раненых, к тому же удалось захватить трофеи!

Для представления о том, как развивались события в ходе операции «Тайфун» с точки зрения немцев, определённый интерес представляют записи в дневнике начальника германского генштаба ОКВ генерала Гальдера:

«3.10: «Признаков преднамеренного отхода нигде не заметно». «4.10: Противник продолжает всюду удерживать не атакующие участки фронта, <...> намечается глубокое окружение этих группировок». «5.10: Сражение на фронте ГА «Ц» принимает классический характер».

По немецким данным, к исходу 3 октября танковая группа Гудериана вышла на шоссе Орёл–Брянск. Части противника, контратаковавшие её левый фланг, отброшены и будут в дальнейшем окружены. 2-я армия быстро продвигается своим северным флангом, почти не встречая сопротивления противника. Танковая группа Гёпнера, обходя с востока и запада большой болотистый район, наступает в направлении Вязьмы. Перед ней противника больше нет. Это означало, что им уже удалось вырваться на оперативный простор. К 4 октября передовая 10-я тд Гёпнера, захватившая Мосальск, находилась в 90 км от Вязьмы. Расстояние между ней и захваченными плацдармами на Днестре составляло порядка 135-145 км.

Немцы спешили развить достигнутый успех первых двух дней операции. Командующий ГА «Центр» Ф. фон Бок, стремившийся как можно быстрее завершить окружение основных сил Западного и Резервного фронтов, опасался, что русские сумеют усилить оборону на вяземском направлении. 4 октября он подтвердил свой приказ Готу о развитии наступления на Вязьму. Но в связи с атаками опергруппы Болдина и задержкой с подходом пехоты наступление пришлось перенести на утро 5 октября.

Однако к вечеру выяснилось, что топливные обозы, застрявшие в болотах, не смогут в ближайшее время выйти к Днестру. Переход в наступление наметили на полдень этого дня. Для срочной доставки горючего немцы использовали планёр типа Me.321 «Гигант». Он доставил 14 кубометров топлива, которого хватило для броска на Вязьму. В конечном счёте 7-я тд Гота смогла возобновить наступление в 14.30 5 октября, а 6-я тд ещё позднее – 6 октября.

Виктор ЛИВЦОВ,
доктор исторических наук, профессор

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО ГОРОДА БОЛХОВА

Болхов – один из древнейших и прекраснейших городов Орловщины, сохранивший очаровательный и неповторимый древнерусский силуэт. Он ещё в прошлом веке был включён в список исторических населённых пунктов России, что подтвердило его самобытный статус. Этот старинный город расположен в 55 километрах к северу от Орла. Его иногда называют южнорусским Суздалем или Городом церквей. Может быть, эта характеристика содержит некоторое преувеличение, однако архитектурный комплекс этого уютного и ослепительно красивого города действительно сохранил свою неповторимую свежесть, целостность и своеобразие.

В настоящее время в древнем Болхове проживает всего около 13 тысяч жителей. Здесь сохранилось 12 старинных храмов, 7 из них и один монастырь восстановлены и действуют. Но всего 100 лет назад здесь было 20 тысяч жителей, 26 церквей и 2 монастыря. Таким образом, к сожалению, из существовавших прежде храмов уцелела лишь треть. Однако из сохранившихся в области 11 храмов в стилистике XVII века пять находятся в Болхове и его окрестностях. Несмотря на потери, древний Болхов полон сокровенного величия и божественной красоты. В этом тихом районном центре ещё можно встретить селянина на телеге с лошастью. Из самой середины города видны окрестные холма с полями, лугами и лесами. Оттуда порывы ветра доносят сладкие запахи живой природы. Улицы с их древними купеческими домами, добротными, кирпичными, с фигурной кладкой, и деревянными, с резными наличниками, как будто вылеплены из литературных описаний И. Тургенева и Н. Лескова.

Сейчас это второй епархиальный центр Орловской и Бол-

ховской епархии. Сохранившиеся изумительные храмы, как красочные цветы на дивном лугу, освещают душу путника тихой радостью единения со святым прошлым великой Руси, радуют в праздник многозвучным возвышающим дух колокольным звоном, напоминают о священной вечности и вечной красоте.

*Городок в табакерке –
царство пряничной сказки,
в небо синее бросил
золотистой закваски.*

*И она вызревает,
колокольным дождём,
проливаясь на Болхов,
омывая огнём.*

*Городок изумрудный –
воплощенье мечты,
своей благостью чудной,
освящаешься ты.*

В городе целых три речки. Это небольшая равнинная Нугрь или Нухрь, как она звалась в старину, являющаяся притоком Оки; маленькая речка, почти ручеёк – Клететня, на северо-восточной окраине города и совершенно высохшая уже столетие назад Болховка, в самом центре города.

По передаваемому из уст в уста старинному преданию её пересыхание было вызвано страшным проклятьем, которое наложила на речку местная могущественная колдунья, горько оплакивавшая утонувшего в её водах любимого единственного сына.

В Болхове до сих пор рассказывают такую легенду.

Когда это было, теперь уже никто сказать не может. Родилась на Болховской земле девушка необыкновенной красоты. Невозможно было подобрать таких слов, чтобы описать её. До неё у родителей всё время рождались сыновья, а они хотели, чтобы на свет появилась и дочка. Поэтому её рождение для отца и матери стало долгожданной радостью.

В облике девочки было что-то неземное. Она казалась всем ангелом, сошедшей с небес звёздочкой. Её глаза, опущённые длинными ресницами, поражали своей голубизной. В них была безоблачная небесная синь, и они излучали такую доброту, что людям подолгу не хотелось от неё отходить.

Шло время, девочка подрастала и становилась всё краше и краше. Сердца родителей не могли нарадоваться. «Кровиночка ты моя, Болховиночка, золотиночка ты моя», – приговаривала мать, лаская ненаглядную дочку. Действительно, у дочки волосы были цвета золота, густые, волнистые и длинные, до пят. Заплетя волосы в косу и уложив на голове короной, девушка становилась похожей на солнышко. Много парней стало по ней сохнуть, а она как будто их

не замечала – пела с подружками песни, водила хороводы да родителям по хозяйству помогала.

Но, к несчастью, влюбился в Болховиночку злой колдун. Он обладал огромной страшной силой: мог вызвать бурю, остановить дождь, превратить человека в камень, дерево или животное, наложив на него магическое заклинание. Все его боялись и обходили стороной. Он стал ухаживать за девушкой, притворяясь добрым да ласковым. Но девушка к тому времени уже сама полнобила парня. Такого же голубоглазого, как она сама. Паренёк был оружейником, ковал мечи булатные да копыя острые, как и отец девушки.

Отвергла Болховиночка ухаживания старого колдуна, и затаил он на неё лютую злобу. Стал он ждать да подкарауливать, когда Болховиночка останется одна. Однажды дождался он этого, произнёс своё страшное заклинание, и превратилась девушка в тихую ласковую речку. Вода в ней была прозрачная, по цвету напоминала голубые глаза девушки.

Удивились селяне. Откуда вдруг взялась речка, а когда Болховиночка пропала и домой не вернулась, стали догадываться, что это дело рук старого колдуна. «Вот она, твоя Болховка, – сказал он со злобой мастеру-оружейнику, отцу девушки, – не моя, так и не твоя». До конца своих дней горевали родители, всё не могли отойти от реки и умерли один за другим на берегу...

Проходили десятилетия и века, и стали забывать люди, откуда взялась эта река, только название помнили – Болховка. На протяжении столетий замечали, что входят в воды Болховки только парни. Они могли долго плескаться, купаться, устраивать разные игры в речной воде. Даже пожилые мужчины, окунувшись в воды Болховки, выходили бодрыми и молодыми. Для всех это оставалось загадкой.

Но чары колдуна не рассеялись, и проклятие его тяготело над речкой. Полюбился речке Болховке парень, который часто приходил на высокий берег и всё вглядывался в воду, видно, чувствовал в ней девичью душу. Любовь его к реке становилась всё крепче. Река же не отпускала его от себя долгими часами. Воды реки были ласковы, нежны с парнем, а золотой песок на дне казался ему длинными шелковистыми волосами, и чудились ему в воде глаза необыкновенной голубизны. Приворожила Болховка парня, да так, что он и дома стал появляться редко. Днём он плескался в тёплых, ласковых водах реки, а ночью сидел на берегу. Заметили эту странность родители и стали его запирают дома. Но необъяснимая сила влекла его к реке, дома он чах и метался, как раненый зверь. Однажды не выдержал он, сломал запоры и бегом бросился к Болховке, чтобы войти в её ласковые воды. А она так соскучилась по нему, что решила его больше не отпускать.

Когда он нырнул, чтобы погладить ладонями золотой песок, тот вдруг расступился перед ним, а затем накрыл его сверху. «Не отпущу я тебя больше, ты навсегда будешь моим», – эти слова проникли в его сознание, и больше он ничего уже не услышал. Он тихо лежал на дне, присыпанный золотым песком и укрытый толщей воды, как пуховым одеялом. Многие видели, как вошёл парень в воду, но никто не видел как он выходил оттуда. «Река забрала его себе», – говорили люди.

Приходила к реке мать парня, плакала и просила речку Болховку отдать ей тело любимого сына. При этом обычно тихая и спокойная река сердилась, вздымала такие огромные волны, что видевшие это люди диву давались и приходили в ужас.

И стали жившие здесь парни бояться речки Болховки, и никто из них больше не подходил к реке. А бедная мать парня

не уходила с берега, надеясь, что река вернёт ей тело сына. Но надежды её были тщетны.

Но никто не знал, что одинокая мать утонувшего юноши тоже колдовала, но только для самой себя и не часто. То приворожит друг к другу девушку и парня, то пошлёт дождь на посевы. Горе изменило характер волшебницы. Всё чаще стали замечать люди, что после её недоброго взгляда заболели люди, а на скот напал мор. Там, куда шла колдунья, всегда становилась холодно, начинал дуть ледяной ветер, а над её головой даже в ясный солнечный день появлялась чёрная туча. Шли дни, умножалась печаль ведуньи. Тщетно искала она в колдовских книгах способ оживить своего сына, вернуть его из мира мёртвых.

Заподозрила колдунья, что сын её пропал не случайно. Нашла она в тайных своих книгах страшный рассказ о девушке, превращённой в реку. Решила отомстить ей безутешная вдова. Пришла она на высокий берег реки и начала проклинать её страшными колдовскими проклятиями. Проходили минуты и часы, а колдунья всё громче выкрикивала хриплым осипшим голосом свои ужасные заклинания.

Начался жуткий ураган, пошёл сплошной стеной дождь, стало темно как ночью. Река вспенилась, потекла вспять, и вдруг на мгновение из водной пучины глянуло на поседевшую волшебницу грозное девичье лицо с широко открытыми голубыми глазами. К небу взметнулся водяной столб, а из облаков с грохотом ударило сразу шесть молний.

Все, кто были рядом, попрятались, кто куда. Рухнула водяная масса, рассыпалась искрящимися брызгами. Но когда ветер стих и мгла рассеялась, горожане, медленно с опаской подходившие к месту, где текла река, с удивлением увидели только влажный овраг, покрытый зелёной тиной и золотистым песком. Но и его вскоре высушило солнце. Не было больше речки Болховки.

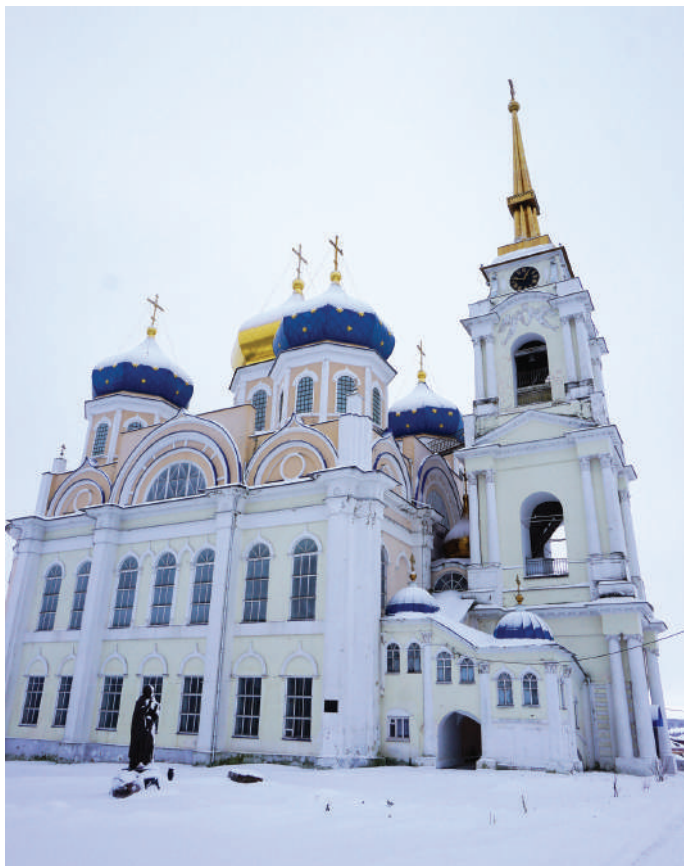
Но исчезла и старуха колдунья. А с места, где она стояла, тяжело взмахивая крыльями, поднялась огромная старая ворона с седым хохолком на макушке и, зловеще каркая, улетела куда-то в даль. И больше её никто никогда здесь не видел...

Место, где раскинулся Болхов, необыкновенно живописно. Город расположен на пересечённом оврагами, возвышенном плато левого берега реки Нугрь при впадении в неё речки Болховки, по которым весной протекают ручьи. Когда-то вокруг города густились дремучие лесные урочища. Но уже к XIX веку из-за постоянных вырубок лес поредел, отступив, и город оказался среди зелёно-золотистых пятен лесостепи, перемежавшихся с пашней.

Спокойно-величавую красу этого места отмечали многие видевшие город путники. Проезжавший через Болхов в 1711 году московский священник Иван Лукьянов писал: «Град Болхов стоит на Нугре... На горах красовито».

В начале XIX века другой путешественник отмечал: «А Болхов издали – картина». В 1875 году один из первых историков-краеведов Орловского края Гавриил Михайлович Пясецкий так написал о Болхове: «Он расположен между несколькими холмами, которые, постепенно возвышаясь над берегом реки, придают городу живописный вид». Эти же мысли приходят на ум и сейчас, когда подъезжаешь к городу.

Каждый из открывающихся с разных сторон видов отличается большим разнообразием и неизменным торжественным великолепием. Если въезжать со стороны областного центра – Орла, то с юга, с высокого холма, у бывшей здесь когда-то Звенигородской засеки, панорама открывается неожиданно и резко. Как будто порыв ветра распахнул стра-

ницы огромной старинной полноцветной книги. Отсюда Болхов как на ладони и виден почти с птичьего полёта. В хорошую погоду в глаза бросаются яркие золотые, голубые и серебряные купола многочисленных разноцветных церквей на фоне идиллического спокойного и даже архаичного пейзажа старого, в основном двухэтажного города, охваченного окрестным голубого неба и окрестных лугов: зимой ослепительно белых, а летом и осенью – изумрудных или золотых. Городок легко охватывается одним взглядом и кажется брошенным на холмы покрывалом, на котором золотом и лазурью вышиты драгоценные узоры.

Совсем иной вид на Болхов открывается с запада, с дороги в районный центр Знаменское. Здесь высокие изящные башни колоколен и торжественные здания церквей кажутся врезанными в облачно-лазорево-голубой горизонт. Чеканный силуэт Болхова горд и стремителен, храмы тянутся к небу, и, возвышаясь над сплошным постаментом слившихся вместе крыш домов, образуют живописный силуэт былинного града. При подъезде путника по плавно извивающейся дороге медленно разворачивается эта грандиозная панорама, и кажется, что храмы то сближаются, то отдаляются друг от друга в медленном завораживающем танце.

Но самый великолепный и чарующий вид открывается с северо-востока, от стен древнего Оптиного Троицкого монастыря. Отсюда, с соседних холмов, город встает над лентой реки Нугрь из-за заливных лугов на высоких кручах Красной горы. Он открыт ветрам и небу, но неприступен и величав. Кажется, что все храмы невидимой

рукой соединяются в прекрасную царственную диадему. Они как будто собрались вместе для думы о судьбах Руси. И небо ласкает их шпили. Кажется даже, что это не отдельные храмы, а какой-то единый монолитный кремль или обширный монастырь, вставший на самом краю речной прибрежной кручи. А вокруг по холму сбегает дробно рассыпавшиеся на склонах домики, которые отсюда трудно разглядеть, струятся между ними серые бархатные ленточки дорожек и тропок вниз к лугу и реке. В тёплое время года вся панорама утопает в кипении садов, а зимой – в горностае снегов. Красота, вылепленная человеческим гением, тонко чувствующим высшую благодать и изысканную естественность природы.

Храмы города возвышаются над невысокой старой застройкой, восхищая глаз и радуя душу.

Удивительной особенностью древнего Болхова является чудом уцелевший неповторимый древнерусский исторический силуэт, сохранивший свою главную вертикаль и наиболее значимую и красивую доминанту – огромный величественный шестипрестольный Спасо-Преображенский собор в русском стиле, возвышающийся над городским пейзажем и вмещающий в себя до 4500 человек. Он поднимается в самом сердце Болхова, на крутой и древней Красной горе, на центральной площади города. Редкий случай, когда городской собор уцелел. Не случилось этого, к глубокому сожалению, ни в губернском Орле, ни в уездных Мценске, Кромах или Ливнах. А Болхову несказанно повезло. Пять глав собора на восьмигранных световых барабанах высоко вознесены над повседневной суетой.

Грандиозное церковное здание строилось несколько веков. Впервые собор упоминается в писцовых книгах за 1625 год. Сначала храм был деревянным. Затем он был возведён в камне в 1671 году воеводой сокольничим Иваном Ржевским. Храм был двухэтажным.

3 августа 1678 Иван Иванович Ржевский погиб в Чигирине от турецкой гранаты. Останки отважного воеводы привезли в город Болхов и похоронили в Спасо-Преображенском соборе, который был им построен. На месте погребения установили мемориальную надгробную доску. В память о прославленном воеводе назвали улицу Ржевская (Большую).

Здесь же в 1705 году похоронили и его сына – полкового воеводу и осадного стольника Тимофея Ржевского, погибшего во время стрелецкого бунта в Астрахани. В его память назвали улицу Малая Ржевская.

Ржевские доводились родственниками предкам А.С. Пушкина по материнской линии и более двухсот лет проживали здесь. Отсюда происходит прабабка поэта – Сара Ржевская. Её дочь Мария вышла замуж за Ганнибала, а красавица-внучка Надежда, которую называли прекрасной креолкой, стала матерью великого русского поэта.

Родословная Ржевских в Болхове начинается в XVII веке с Ивана – четвероюродного брата царицы Марии Милославской. Он прибыл в Болхов по царскому указу нести сторожевую службу. Долгие

А.С. Пушкин

годы был здесь воеводой. Ржевские владели землями на правом берегу реки Нугрь. Местечко называлось Онегинская слобода. Так что, возможно, Александр Пушкин дал фамилию своему герою по названию родового имения. Во всяком случае, так говорят болховчане.

Сам А.С. Пушкин знал о родстве со Ржевскими. В мае 1829 года он проследовал через Болхов и остановился в селе Большая Чернь Болховского уезда у Плещеевых – родственников и соседей писателя Николая Михайловича Карамзина.

Владелец села Большая Чернь статский советник и камергер «парижанин в речах и манерах» Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862) являлся композитором, переводчиком, поэтом, драматургом (писавшим на русском и французском), личным чтецом императрицы Марии Фёдоровны, членом литературного общества «Арзамас» с прозвищем «Чёрный Вран».

Здесь у него также неоднократно гостил и другой великий русский поэт В.А. Жуковский.

В 2011 году в Болхов с паломнической поездкой из Петергофа приезжала Лилия Ганнибал, супруга Юрия Ганнибала, потомка знаменитого рода. Она написала книгу «Роман дочери Пушкина, написанный ею самой». Её издала праправнучка Пушкина графиня Клотильда фон Меренберг. Однажды Клотильда обратила внимание на старую рукопись в семейном архиве. Оказалось, что это автобиографическое произведение принадлежит перу младшей дочери Пушкина – Наталье Александровне Меренберг, её прабабушке.

О болховском соборе знали при царском дворе. В 1681 году от царевны Софьи Алексеевны в дар Спасо-Преображенскому собору были принесены ризы и Евангелие.

Строительство нынешнего здания собора началось в сентябре 1841 года церковным старостой купцом прасолом (оптовый скупщик скота) Иосифом Дмитриевичем Акуловым. Сначала он хотел построить с юга придел к существовавшему храму во имя Печерской иконы Божией Матери. Но на покатом склоне это было невозможно. Тогда купец решился на грандиозное дело – построить новый собор. Поскольку один из приделов нижнего храма был посвящён Святителю Николаю, купец надеялся на его помощь. И.Д. Акулов дал обет весь доход от продажи волов отдавать на соборный храм. Покупая стада на юге страны огромными партиями по несколько раз в году, он помечал их двумя буквами Н.Ч. (Николай Чудотворец), говоря, что волы принадлежат святителю. И партии скота проходили всегда с большим барышом даже через карантин, а владельцы пастбищ предоставляли их бесплатно. Купец нанял подрядчика – каменщика Терентия Петрова – разобрать старый собор и строить новый. Однако 18 декабря 1843 года И.Д. Акулов скоропостижно умер и был похоронен на Архангельском кладбище. К этому моменту собор уже был доведён до перемычек окон второго этажа.

Новым строителем болховское общество выбрало купца Фёдора Шестакова. После его скоропостижной смерти от холеры в 1848 году строительство закончил его сын Василий. На постройку собора израсходовали более 26 тысяч рублей, а на украшение – 20 тысяч.

Из церковных древностей в соборе до революции 1917

года хранились резной образ Святого Николая Чудотворца, перенесённый из Новгорода при Иване Грозном, а также дары основателя собора – Ивана Ржевского и царевны Софьи.

К собору пристроена изящная четырёхъярусная колокольня высотой 40 метров. На металлических конструкциях её шпиля сохранилась датировка: «сентября 24 дня 1833 года изделан сей шпиль при протоерею при Петру Максиму, иждивением церковного старосты Осипа Акулова мастер го-

А.А. Плещеев. Рис. В.А. Жуковского

рода Мценска Сергей Паншин мой товарищ мастер города Болхова Матвей Смолотков мценский подмастер Василий Паншин болховский подмастер Иван Давыдов». Главный колокол храма весил более 700 пудов и был слышен за 20 километров окрест.

Колокольня храма выстроена в стиле зрелого классицизма и является главной доминантой города. Она представляет собой башню, состоящую из трёх поставленных друг на друга четвериков с арочными проёмами на гранях. На флангах граней размещены изящные пары коринфских колонн. Первый ярус завершён горизонтальным карнизом, второй – треугольными фронтонами. У их арочных закруглений помещены рельефные изображения парящих ангелов, по двое с каждой стороны, поддерживающих по короне. Небольшой завершающий ярус с часами служит основанием высокого фигурного шпиля.

С верхних ярусов этого столпа православия открывается самый изумительный вид на болховские дали, с куполами и шпилями храмов, кружевным узором разбегающихся в разные стороны улиц и разноцветным ковром крыш. На верхнем ярусе колокольни сохранились удивительные часы-куранты, которые годы, десятилетия и века перебирали бытие пальцами своих шестерён и сопровождали ускользящие и падающие в прошлое часы, минуты и секунды мерным звоном старинных колоколов. Они отбивают время каждые полчаса.

Их подарил городу в 1916 году уездный врач, коллежский асессор Пётр Соломко. Существует предание, что П. Соломко бережно следил за здоровьем болховчан, требовал, чтобы все приходили на профилактические прививки. Но с Заречной стороны, на восток от собора, никто не приходил. Это очень огорчало врача. И тогда он решил проучить болховчан. И когда устанавливали часы, он распорядился, чтобы на сторону Заречной циферблата не было.

Циферблаты часов действительно обращены только на три стороны света. С четвёртой, восточной стороны, циферблата нет, зато возвышается главный центральный золочёный широкий луковичный купол храма, как раскрывающаяся почка огромного цветка вечности, над которой уже не властно время. И конечно отсутствие здесь циферблата связано с тем, что из-за купола его всё равно не было бы видно.

Болховские куранты отсчитывали ход времени и в дни созидания, и в трудные годы социальных потрясений, и в смутные десятилетия борьбы с религией. Не случайно, одновременно с восстановлением болховских храмов, районная газета, издаваемая в Болхове, приобрела наименование «Болховские куранты», звучавшее как призыв к возрождению старинного города.

(Продолжение следует)

Владимир ЕРМАКОВ

Заметки о НИГИЛИЗМЕ и НИГИЛИСТАХ

Владимир Александрович Ермаков (родился 6 июня 1949 года в Петушках Владимирской области, умер 2 июля 2024 года в Орле) ушёл на взлёте своего таланта, многое не успел сказать, поделиться с нами. Поэтому сегодня предлагаем познакомиться с его проникновенной публицистикой, с философскими размышлениями о суетности бытия...

Продолжение. Начало в № 66

3. БДЕНИЕ ВО ТЬМЕ

Литераторы считали его философом, философы литератором, а сам он отказывался играть какую-либо роль в человеческой комедии, именуемой общественной жизнью. *Нет у меня никакого духовного призвания. Я создан, чтобы мучиться на этой земле – и всё.* Переживая сознательное существование как осознанное страдание, писатель и мыслитель Эмиль Мишель Чоран пограничное состояние скорбного разума определил не содержательно, а образно: *Подлинное знание сводится к бдению во тьме.* Чтобы понять, что он имеет в виду, надо, наверное, насколько хватит своего ума, следовать ходу его мысли – бесстрашной мысли, берущей начало в отказе от догматизма, идущей от критичности к катастрофичности, доходящей до края мыслимого и, остановившись на краю бездны, пребывающей в напряжённой безысходности... Не знаю, у многих ли соискателей истины хватит мужества поставить на себе этот мысленный опыт.

Эмиль Мишель Чоран родился 8 апреля 1911 года в Трансильвании – в той части, что до Первой мировой войны входила в состав Австро-Венгрии, а после распада империи стала частью Румынии. Семья была одновременно просвещённой и патриархальной; идеализируя своё детство, всю последующую жизнь Чоран видит в ретроспективе как утрату. Откуда такой пессимизм? Сад родительского дома примыкал к кладбищу; такое соседство, видимо, не прошло даром: тема смерти так глубоко прописана в его творческой истории, что кажется, в его личности танатос доминирует над эросом.

Отношение блудного сына к родным пенатам сложилось как неразрешимое противоречие фрустрации и ностальгии. *Я родился в стране, где главным занятием каждого было сожаление. От будущего мои предки, уверен, ничего не ждали. И не мне их за это осуждать. Печальные, недоверчивые, обездоленные люди...* Чоран не хотел покориться румынскому року, и с корнем вырвал свою бунтарскую натуру из родной почвы; он стал жить своим умом... но, по иронии судьбы, стал таким же печальным, недоверчивым, обездоленным человеком, какими были его предки. *Я унаследовал от своей страны природный нигилизм – её главное свойство, единственную её особенность... это у нас в крови, у меня в крови. <...> Чёрное начало, растворённое в крови, сросшееся с мыслью. В другом месте о том же он выразит то же ощущение почти готической метафорой: У меня в жилах не кровь, а мрак.*

С самого начала сознательной жизни всё в его жизни пошло вкривь и вкось, нимало не соответствуя традициям семьи и среды. Сын православного священника, он учился в немецкой школе. Своё дальнейшее безбожие он позже определил как *нигилизм поповича*. Из всей Библии, кроме эсхато-

логического кошмара Апокалипсиса, для него сохраняет интерес только тотальный скептицизм Екклесиаста. И – Книга Иова, хроника поражения праведника в правах человека: Я – ученик Иова, но плохой ученик; я унаследовал от него не молитвы, а вопли. Переболев юношеской болезнью правизны, пережив увлечение национализмом, Чоран приобрёл иммунитет от идеологии. *Ищите происхождение церкви и идеологий не столько в глупости масс, сколько в страхе интеллигента перед собственным трезвомыслием.* Впрочем, к повседневным явлениям здравого смысла он тоже относился с подозрением: *Трезвость – это экстаз с обратным знаком.* Так что его нигилизм, негативно оценивающий все идеологии, не делал исключения для нигилизма.

Базовое образование Чоран получил в Бухарестском университете, где окончил факультет филологии и философии. В годы учёбы он сблизился и сдружился с двумя неординарными современниками; их имена – Мирча Элиаде и Эжен Ионеско. Три сумасбродных румына со временем стали знаковыми персонажами истории культуры XX века: Элиаде – жрецом сакральных традиций, Ионеско – корифеем театра абсурда, а Чоран – пророком конца истории.

Первые книги Чорана, сборники философской эссеистики, имели характерные заглавия: «На вершинах отчаяния» (1934) и «Сумерки мысли» (1938). Напряжённые размышления Чорана не нашли понимания в отечестве, находящемся под властью тёмных сил. *“Geniu pustiu” – вот суть моей родной страны, сказал он позже о национальном духе своей родины. Geniu pustiu в переводе с румынского означает – гений пустыни; другой перевод – бесплодный гений.* Голос Чорана – глас вопиющего в пустыне; его монолог не входит ни в один из авторитетных дискурсов, борющихся за власть над общественным сознанием.

В годы, предшествующие Второй мировой войне, Чоран с нарастающим разочарованием изучает философию как науку – сначала в Германии, потом во Франции. Годы немецкой оккупации проводит в Париже; коллаборационистом, несмотря на прежний интерес к фашизму, не стал, но и в Сопротивлении не участвовал – был сам по себе. После войны Чоран решает не возвращаться в отечество, где после правой диктатуры установилась левая. Незачем. Не к кому. *Из тех, кого я знал, одни умерли, другие поступили ещё хуже.* Перенаселённой пустыней, в которой философ своё одиночество обустроил как отшельничество, стала интернациональная интеллектуальная среда, средоточием которой была французская столица.

Маргинал и нелюдим, *сибарит скорби*, своё повседневное существование Чоран свёл к прожиточному минимуму. Его участь – аскетическое житьё в тесной и тёмной мансарде, бессонница и бескормица. От такой жизни усугубляются

хронические болезни: неврастения, невралгия et cetera. Но сильнее неизлечимых немощей Чорана мучают неисцелимые мысли. Книги афоризмов и эссе Чорана, написанные после войны, полны разочарованием в европейской цивилизации, мрачным скепсисом, неверием в прогресс, острым анализом исторических иллюзий и модных заблуждений, безжалостностью к себе и к человеку в целом. Его библиография – хроника нарастающего ожесточения: «О разложении основ» (1949); «Горькие силлогизмы» (1952); «Соблазн существования» (1956); «История и утопия» (1960); «Злой Демиург» (1969). *Моя миссия состоит в том, чтобы пробуждать людей от их вековечного сна, пробуждать, однако, с сознанием, что я совершаю преступление и что гораздо лучше было бы оставить их такими, какие они есть, поскольку, когда они пробуждаются, мне нечего им предложить.*

Первый всплеск широкого интереса к Чорану приходится на 1965 год, когда его «Уроки распада» издаются в карманном формате массовым тиражом. После молодежных бунтов 1968 года, потрясших Европу, желчные инвективы маргинала от философии становятся каноническими текстами контркультуры. Чоран обретает репутацию современного Екклесиаста – пламенного проповедника нигилистической эпохи. Современники оценили горькие силлогизмы мрачного румына как ментальное лекарство от отравления сладкой жизнью, соблазвившей Европу невыносимой лёгкостью бытия. Слава, однако, ему не в радость (Желать славы, значит предпочитать позор забвению). Чоран не ищет известности и не любит публичности; он не участвует в общественной жизни и отказывается от премий, которые ему присуждают. После 1987 года, когда его книга «Признания и проклятия» стала бестселлером, Чоран, назвавший свою популярность унижительным успехом, больше не пишет книг. То, что он пишет, больше всего походит на протокол внутренней катастрофы. Мысль Чорана, словно потерявшая нюх ищайка, обшаривает тёмные закоулки его сознания в поисках утраченного смысла.

Творческая манера Чорана – поразительное соединение лаконичности с незавершенностью, точности с неясностью, решимости с неуверенностью. Его тексты, в основном состоящие из фрагментов, оставляют впечатление черновиков ненаписанного шедевра. Каждому тезису находится антитезис, но мыслящий удерживает говорящего от попыток синтезировать в речи общий смысл. Стиль? – да. Мораль? – нет.

Мятежный раб слова, классическую европейскую литературу Чоран читал избирательно, – а русскую читал почти без исключений. Ненавистник советского государства, он тянулся к российской культуре как к животворному источнику. Нашу классику знал досконально, хотя перечитывал её в сумрачном свете своих разочарований: *О, как же я хорошо понимаю русское безволие, как хорошо понимаю Обломова, каторгу и русскую церковь!* (Характерно, что церковная жизнь им поставлена в один ряд с лагерной). Однако по психотипу Чоран ближе не к Обломову, а к Печорину (даже в их именах слышится что-то общее – нечто чёрное... не то, чтобы порочное, – но непрочное, порченное). *Бывает, я чувствую в себе беспредельную силу. Но, увы, не знаю, к чему её приложить.* Нарочно или нет, Чоран в этом высказывании повторяет внутреннюю позу «героя нашего времени». А в других признаниях и проклятиях он обнаруживает в себе «подпольного человека». *Самое близкое для меня – русский*

байронизм, от Печорина до Ставрогина. В это можно поверить: мрачный романтизм – эмоциональная основа рационального нигилизма.

В «Попытках забыть» Чоран записывает парадоксальное суждение о структуре реальности: *Никакого иного мира нет. Нет даже этого. Что же тогда есть? Тайная улыбка, вызванная в нас очевидным отсутствием того и другого.* В «Горьких силлогизмах» он уточняет своё впечатление о житейском опыте в духе экзистенциальной философии: *Старая, человек учится обменивать свои страхи на свои ухмылки.* Однако сам он ни улыбаться, ни ухмыляться, кажется, не умел; на большинстве фотографий у Чорана губы стиснуты так жёстко, словно он боится проговориться о чём-то страшном, до чего додумался только что, а другим этого лучше не знать.

С годами круг других неуклонно сужается; Чоран скорбит об ушедших друзьях, но ступение пустоты вокруг себя принимает как должное. В дневниковой записи от 17 ноября 1965 короткая фраза на латыни: *Via negationis...* Путь отрицания, путь отречения; дорога никуда. *Как узнать, что ты на верном пути? Проще простого: если рядом с тобой не осталось никого, значит, ты действительно близок к сути.*

Истощённый мучительным противоборством с самим собой, измученный душевными и телесными немощами, Чоран умер 20 июня 1995 года от последствий неизлечимого дегенеративного заболевания (см. ниже). По настоянию его именитых читателей, парижская мэрия выделила место для погребения на кладбище Монпарнас. Хотя самому философу, конечно, было всё равно, где упокоятся его бранные останки. *По-настоящему моё место в мире, моя потерянная родина – то небытие, которое, как полагали мистики, прежде Бога.*

Если начало сознательной жизни выдающегося европейского мыслителя Эмиля Мишеля Чорана проходило под влиянием философии Шопенгауэра, конец её, увы, прошёл под влиянием болезни Альцгеймера; согласно диагнозу, свет разума слабеет и меркнет. Когда Чоран назвал истинное знание *бдением во тьме*; вряд ли он предполагал, что сознание, очищенное от всего лишнего, может оказаться пустым. Знание, утратившее надежду, потеряло смысл. Хотя, наверное, что-то в этом роде Чоран предчувствовал: *Бывают минуты, когда ясно чувствуешь, что мозг захватывает пустота и там, где были мысли, раскинулась мёртвая степь.* Так оно и случилось. Дневники последних лет, – записки путника, заблудившегося в мёртвой степи, – до сих пор не опубликованы. Можно догадываться, почему. Бесплодная земля, пустое пепелище тёмного огня – вот картина мира, в которой нигилизм стал господствующей идеологией.

В записных книжках Чорана среди изошрённых измышлений иногда проскальзывают непосредственные высказывания. Такова запись от 7 января 1969: *Слушать дождь – само по себе занятие. Не понимаю, зачем думать о чём-то ещё.* В этом меланхолическом ощущении мыслитель как будто предвосхищает печальный конец всех своих размышлений. На пепелище прежней жизни, где бедный наследник Иова, потерявший скорбный разум в глубине своей печали, уже не может и не хочет думать ни о чём... На запрокинутую к небу голову падает ласковый дождь, смывая с лица соль слёз. А в глубине земли, напоенной животворящей влагой, корни травы пробуждаются от летаргии. Вопреки всем мрачным про-

рочествам, жизнь продолжается, заполняя существованием опустевшее место.

Читать Чорана – мучительное занятие. И всё же вдумчивое прочтение его горьких силлогизмов даёт что-то важное уму и нужное душе: мужество знать, что знание ещё не спасение. Всё, что есть в разуме, ещё не всё, что есть в человеке. Метафизические истины нельзя доказать – и невозможно опровергнуть. *Бог есть, – даже если его нет.* Эту апорию Чорана можно поставить эпиграфом к его книге «После конца истории». А может быть, ко всей его безрадостной и бесстрашной жизни, в которой он, если вспомнить завет любимого им русского поэта, не умел отличать поражения от победы.

4. ПЕПЕЛ И ДЫМ

Великий русский (ни разу не советский) писатель Венедикт Ерофеев родился 24 октября 1938 года на рабочей окраине северного городка Кандалакши, в семье железнодорожника. Когда (уже после войны) отца по доносу посадили за «вредительство», мать, в поисках заработка, была вынуждена уехать к родственникам в Москву, раскисировав семью по чужим углам; так Веночка (как звали его в семье) попал в детский дом города Кировска, ставшего ему приёмной родиной. Там он окончил школу – с золотой медалью. По итогам собеседования абитуриент, поразивший приёмную комиссию одарённостью и эрудицией, был принят в МГУ, на филологический факультет.

А дальше вместо перспективной карьеры перманентная катастрофа. В семью, и без того не слишком благополучную, пришли две новые беды: отцу, потерявшему в лагере здоровье, вынесли смертельный диагноз, а брата, оступившегося по пьяному делу, приговорили к тюремному сроку. Кроме того в его жизни случилось *ещё нечто в высшей степени неприятное*; что именно – Ерофеев умалчивает. Вероятно, третьим горем был позорный роман с местной шалавой, бывшей подругой детства: вернувшийся на родину Гамлет хочет спасти спившуюся Офелию, валяющуюся в сточной канаве, – и сам увязает в житейской грязи... Как бы то ни было, с 1956 года его образ жизни (*modus vivendi* – на любимой им латыни) радикально меняется.

Момент перелома (с его слов) передаёт Ольга Седакова, – однажды, шагая по Москве, Ерофеев увидел в витрине бакалейного магазина заурядный для тех лет натюрморт в брутальном стиле – рекламу алкоголя и никотина; зашёл в магазин, купил четвертинку водки и пачку «Беломора», – в ближайшей подворотне выпил, потом закурил... и впредь предался этим вредным занятиям на всю оставшуюся жизнь – вплоть до ускоренной ими смерти. Встав на этот окольный путь к сермяжной правде, учиться разумному, доброму, вечному по университетским программам перестал, и с факультета его отчислили. После Венедикт ещё трижды зачислялся в студенты педагогических институтов в Орехово-Зуеве, Владимире и Коломне, но долго нигде не задерживался.

Волей-неволей вступив в ряды рабочего класса, Венедикт Ерофеев зарабатывал на жизнь неквалифицированным трудом. Ютился по пятым углам, перебивался с хлеба на водку. Жить так, как он, без прописки и без паспорта, без вещей и сбережений, в советской стране было практически невозможно. А он так жил, следуя течению своей несуразной жизни. Противостоя своей особой общественному идеалу, Венедикт Ерофеев, как и его автобиографический герой Венючка Ерофеев, был убеждён, что в мире *всё должно идти*

медленно и неправильно, чтобы не загордился человек. Своего рода – кредо экзистенциального юродства: уничтожение паче гордости.

Годы оттепели и годы застоя Венедикт Ерофеев провёл в статусе беспутного гения и бездомного маргинала: помногу пил и помалу писал. Первой книгой в его библиографии следует считать «Записки психопата» (1957), долгое время считавшиеся утерянными; рукопись была обнаружена и опубликована только в начале нашего века. В самом начале стилизованного под дневник провокативного текста в двух словах изложена фабула: *Алкоголь – спасение!* Обрамляет это краткое исповедание веры матерное ругательство, похожее по звучанию на латинское слово *nihil* и сходное по значению: *ни ..!* В последних строчках герой подводит негативный итог жестокого опыта, поставленного на себе: *Нет ничего... А ведь было, наверное... Что-то было...* И по старой литературной манере ниже начертано: *Конец.* Хотя до настоящего конца, до полной гибели всерьёз, оставалось ещё много времени – тридцать три года вдохновенного пьянства и запойного творчества.

Самой главной книгой в творчестве Венедикта Ерофеева (а может быть, во всей русской литературе последней трети минувшего века) стала поэма «Москва – Петушки». Вообще-то это проза, притом высшей пробы. Однако, вслед Гоголю, Ерофеев назвал свой труд, парадигматический текст русского постмодернизма, поэмой. Если подходить к тексту формально, это художественное произведение в переходном жанре – от феерии к фантазмагии (*мениппея* по Бахтину). В основе сюжета дотошный исследователь может обнаружить искусное соединение классических и традиционных жанров русской литературы: сентиментальное путешествие постепенно переходит в хождение по мукам.

В русском опыте самопознания есть особое понятие для приобщения к божественной истине: *родиться в духе.* Однако тот, кто не щадя себя доискивается до божьей правды, чувствует себя чужеродным телом в лоне грешного мира. В начале трагедии «Вальпургиева ночь» (1985) её герой, альтер эго автора, пытается выразить своё метафизическое отчуждение через метафорическое сравнение: *ощущаешь себя внутри благодати – и всё-таки совсем не там; ну... как во чреве мачехи.* Семантический оксюморон – *во чреве мачехи* – как нельзя лучше выражает шизофреническое состояние скорбного разума, потерявшего смысл земной жизни и не нашедшего ничего взамен.

Русский религиозный нигилизм, возникший из нравственного протеста против церковного злоупотребления христианской верой, имеет за собой тёмную историю окольного богоискательства – от радикальных толков древнего благочестия до деструктивных сект нового времени. В начале прошлого века один божий человек из сектантского подполья открыл Максиму Горькому великую тайну: *Христос прячется от попов, попы его заарестовать хотят, они ему враги, конечно! А Христос скрылся под Москвой, на станции Петушки.* Много лет спустя сакральный топос этого места подтверждает Венедикт Ерофеев: *Петушки Он стороной не обходил. Он, усталый, ночевал там при свете костра, и я во многих душах замечал там пепел и дым Его ночлега.* Если над пеплом курится голубой дымок, похожий на дым «Беломора», – значит, под пеплом тлеет негасимая божья искра.

(О, эти непостижимые и недостижимые Петушки, потерянный рай, потаённый топос сакральных событий и чу-

десных явлений – место, где не умолкают птицы ни днём ни ночью, где ни зимой, ни летом не цветает жасмин. Первородный грех – может, он и был – там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен... это место в поэме я знаю наизусть; по счастливому стечению обстоятельств, я появился на свет в роддоме на станции Петушки, и хотя по младенчеству ничего из тех дней не запомнил, эти строки полнят моё сердце мистической ностальгией).

Тому, кто оторвался от земли и не дошёл до неба, уже ни в чём не найти утешения. Что такое религиозный нигилизм? – Аннигиляция эроса и танатоса, выделяющая негативную энергию, которую можно передать парадоксальными метафорами – тёмный огонь и спящая тьма. Того, кто не отведёт внутренний взор от видения незримого, одолевает соблазн падения в разверзшуюся бездну. Чтобы не поддаться этому искушению, надо предаться другому.

Философ Владимир Библихин в трактате «Пора (время-бытие)» оставил такое замечание: *есть пьянство до трезвости; такое было у Венедикта Ерофеева, – когда опьянение открывается как единственная и сплошная всегдашняя истина мира.* Сам Ерофеев рассуждал так же: *Не зря же медицина проводит аналогию между состоянием опьянения и состоянием религиозного экстаза.* Увы! эта аллюзия всего лишь иллюзия: систематическое пьянство незаметно переходит в хроническое; алкоголизм – нигилизм на физиологическом уровне. Алкогольное отстранение от действительности как способ существования в мире абсурда есть утверждение абсурда; это в математике минус на минус дают плюс, – а в метафизике так не бывает. Зло, умноженное на зло, злее втрое. Относительная истина, образовавшаяся в итоге неверно решённой жизненной задачи – мнимая величина. Нигилист, достигший негативной цели, впадает в ничтожество.

«Москва – Петушки», *opus magnum* маргинального гения отечественного постмодернизма – парадигматический текст национального самосознания, пребывающего в перманентном кризисном состоянии. Ста страниц этой трагикомической поэмы оказалось достаточно, чтобы изменить наши представления о чудотворных свойствах великого, могучего, правдивого и свободного русского языка.

Бесстыдное и безрассудное откровение русского андеграунда в короткие сроки обрело популярность в массовом самиздате и авторитетность в культурной элите. Притом, что до конца жизни писатель Венедикт Ерофеев не имел никакого литературного статуса. Для власти предрекающей он был настолько никто, что за рубежи страны его не выпустили даже на лечение, – как не имеющего надлежащего трудового стажа.

За три года до смерти, последовавшей в 1990 году, Венедикт Ерофеев крестился. Но и тут пошёл поперёк модного тренда воцерковления интеллигенции – крестился по католическому обряду; православную церковь он не любил за то же, за что не жаловал предрекающую власть – за отдельность от людей. Однако отпевали его по православному канону. На поминках скорбели ближние люди и плакали, обнявшись, обе его жены – первая, петушинская, многострадальная мать его единственного сына (самого кроткого из всех младенцев, уже в три года знавшего букву “ю”), и вторая, московская, приютившая в своей жизни его неисцелимую беду и покончившая с собой после его смерти.

Среди великих писателей земли русской Венедикт Еро-

феев стоит на особицу. Собственно говоря, ему не привыкать. Не стремясь к успеху и не уклоняясь от славы, он на дух не выносил казённого пафоса и не поддавался давлению общественного мнения. И не любил, когда ему лезли в душу. *Оставьте мою душу в покое...* Ибо душа – заветное место в метафизическом плане существа вида *homo sapiens*, где человеческая самость встречается с божественной сущностью. Какие потёмки не были бы в душе, место встречи изменить нельзя.

В отношении к непостижимой и недостижимой правде жизни русский мир делится на два разных народа: тех, кто с полуслова понимает то, о чём словами не скажешь, и тех, кому этого никогда не понять. Короче, на читателей поэмы Венедикта Ерофеева и всех остальных. То, что до ужаса ясно первым, вторым не втолковать. Даже после третьего стакана «Сучьего потроха» (*это уже не напиток – это музыка сфер!* рецепт см. в главе «Электроугли – 43-й километр») в них так и не явится ничего трансцендентного, – разве что вытошнит из них с непривычки немного имманентного. Вытащить их из земных иллюзий можно разве что с божьей помощью. Умный человек не возьмётся за этот сизифов труд. Чтобы не выглядеть большим дураком, чем на самом деле. Что сказал доктор в пьесе «Вальпургиева ночь»? – *В дурдоме не умничают.*

Веничка Ерофеев, автор и герой нигилистической трагедии – разочарованный странник, не нашедший себе места в этом мире и не обретший уверенности в ином. Что вышло в мораль его жития? Разве что ёрническая сентенция – *научись скорбеть, а блаженствовать – это и дурак умеет.* Да и какой прописной морали можно было ждать от религиозного нигилиста? Как сказал сам автор, он же сквозной персонаж своего творчества, – *кроме того, что мы знаем, мы не знаем ничего.* Ничего. *Нихиль*, – как выражались древние римляне. А выразиться по-нашему, так несказанное скажется ещё яснее: *ни...* Кто не догадывается, что скрывается за деликатным многоточием, пусть спросит любого россиянина старше пяти лет, знающего букву “х”, а также буквы “у” и “я”.

Трагедия религиозного нигилизма устремлена к духовному катарсису через кризис самосознания. В обезбоженной душе неслиянно и нераздельно сосуществуют остаточное сияние райского света и открывшееся зияние адской бездны; в скорбном разуме, обожжённом тёмным огнём и погружённом в спящую тьму, происходит невысказанный синтез сокровенной тайны и очевидной истины: по чудесному определению Лотмана – *мерцание смысла.* Священный огонь прогорел, но остался пепел от костра, у которого грелся гонимый Христос, и тайный стыд, словно едкий дым, гонит на глаза невидимые миру слёзы. Сквозь линзу незримых слёз (как говорил Веничка, – с моей потусторонней точки зрения) путь жизни видится как крестный путь – хождение по мукам, целью которого являются обетованные Петушки, где первородный грех искуплён перенесёнными страданиями.

Когда кто-то заметил, что Ерофеев смеётся так, словно у него на совести нет ни одного смертного греха, его ближайший друг Вадим Тихонов сказал, не раздумывая: *у него все грехи бессмертные.* Воистину так. И главный грех, за который простятся все остальные – созданное им евангелие русской тоски, которая есть не что иное, как любовь грешного человека к покинувшему его Богу. Неразделённая. Но не напрасная.

Михаил КОНЫШИН

Книжный праздник каждый день

Модельная библиотека с первых дней работы словно магнитом притягивает и юных, и взрослых читателей

Щедрый подарок

День 23 сентября 2025 года для детей, их родителей, да и для всех жителей Глазуновки выдался по-настоящему праздничным. Повод был более чем приятный: после капитального ремонта распахнула двери своего книжного царства районная детская библиотека. Мало того – она получила статус модельной, что кардинально меняет содержание библиотечной работы, прежде всего, работы с детьми, привнесение в неё тех возможностей, о которых раньше можно было только мечтать.

– Надо было видеть счастливые лица наших ребят, пришедших на праздник, улыбки и радость взрослых, – вспоминает момент открытия обновлённой библиотеки заместитель главы Глазуновского района по социальным вопросам Лариса Шамрина. – Словами это не передать. Государство сделало всем нам щедрый подарок, пользу от которого мы теперь видим каждый день, понимая, с каким желанием ходит детвора в библиотеку.

Путь длиною в три года

К хорошему привыкаешь быстро. Находясь в аккуратном светлом помещении, предназначенном не только для хранения книг, думаешь, что так было всегда.

Но чтобы детская библиотека стала такой как сейчас, потребовалось целых три года. Нет, никто ничего не тормозил, не противился, не ставил палки в колёса. Просто есть конкурсы, определённые критерии, требования к соискателям и оформлению заявки. И ещё есть другие претенденты, желающие того же, что и мы.

– Трижды подавали заявку и участвовали в конкурсе на право называться модельной, – говорит директор Глазуновской центральной районной библиотеки Елена Фролова. – Всякий раз чего-то не хватало в нашей заявке, мы уточняли, добавляли, надеялись на успех. И он пришёл: наша заявка была отобрана, мы стали одними из победителей конкурса. Право называться модельной получила детская библиотека, которая входит в состав центральной районной и «квартирует» с ней в одном здании: взрослая библиотека располагается на втором этаже, детская здесь, на первом.

Общая сумма средств, предназначенных на модернизацию и обновление детской библиотеки, составила более 8 млн рублей. При этом основную часть финансов выделил федеральный бюджет, 80 тысяч рублей – областная казна и 421 тысячу – муниципалитет.

Постарались от души

– Строительные работы в здании библиотеки продолжались с марта по сентябрь с небольшим перерывом, – продолжает Елена Владимировна. – Подрядчиком выступила бригада индивидуального предпринимателя Татьяны Дошкуновой. Старались от души. Заменяли полы, потолки, оштукатурили и покрасили стены, сделали освещение, повесили шторы. За счёт дополнительной суммы, выделенной муниципалитетом, поставили пластиковые окна и новые двери. Замена системы отопления не предусматривалась проектом, в помещениях тепло, несмотря на морозную погоду.

Елена Владимировна рассказала, что часть сэкономлен-

ных при ремонте средств использовали для приведения в порядок помещения закрытого фонда, где хранятся списанные «по возрасту» книги, которые ещё могут выручить в случае нехватки для читателей тех или иных экземпляров. Использование сэкономленных денег тоже шло через торги и обоснование ремонта помещения закрытого фонда.

В начале осени два помещения детской библиотеки радовали глаз новизной, свежими красками, современной мебелью и... предметами, которые существенно меняют представление о том, каким может быть привычное хранилище книг.

Притягивает как магнит

Тот, кто придумал название «модельная библиотека», наверняка, прокручивал в голове, что это будет за модель. Да, книги – хорошие, добрые, поучительные, прекрасно изданные, которые придется по вкусу детворе. Да, новые современные стеллажи, размещённые в отдельном зале, на которых эти книги будут ждать своего читателя...

Но этого явно мало, чтобы сегодняшнее подрастающее поколение повалило в библиотеку. Тогда что?

Нужен другой интерес, другое пространство и другие (помимо традиционной книги) возможности для развития, полезного отдыха и не менее полезных развлечений.

Директор библиотеки Елена Фролова, будто опытный экскурсовод, ведёт нас по залу, где сосредоточены те самые точки, которые словно магнитом, притягивают детей.

– Здесь у нас имеется интерактивная панель с большим экраном, – показывает она. – Дети любят пользоваться ею для

своих занятий, поскольку есть выход в интернет. Для обучения и различных игр предназначен интерактивный стол, также с подключением к интернету. Ещё один не менее популярный у детворы предмет – цветочная песочница, ребята с удовольствием учатся рисовать с помощью разноцветного песка всё, что подсказывает фантазия ребёнка.

Кроме того, в распоряжении детей пять компьютеров, интерактивные шахматы, необычный планшет с глобусом – он и текст выдаёт, и ведёт голосовой рассказ. С помощью имеющихся в нём программ можно найти различную информацию о нашей планете, окружающей природе, растениях, животном мире. Так, ненавязчиво, в игровой манере ребёнок получает новые знания, которые без сомнения, дополняют то, что он приобретает на школьных уроках. Вроде бы игра, но ведь привлекает, притягивает, доходчиво выдаёт нужную информацию, которая остаётся в памяти.

Без книги нельзя

Разумеется, что библиотека не может быть без книг. В Глазуновской детской их немало – 29 тысяч экземпляров.

– В рамках проекта «Модельная библиотека» было закуплено 3500 экземпляров новых книг, – сообщает Елена Фролова. – Книги самые разные: фэнтези, сказки, романы, повести, рассказы российских и советских писателей. Книги, связанные с историей страны, нашей природой, наукой, культурой. Есть и зарубежные авторы, которых любит детвора.

– Выходит, читают ребята? – задаю вопрос.

– Конечно, как можно без книги?! С открытием модельной библиотеки читателей у нас стало ещё больше, – говорит библиотекарь детского абонемента Татьяна Денисова. – Всего услугами детской библиотеки пользуются не меньше 600 детей. Спрашивают, интересуются, какие есть новые интересные издания. Занимаются, читают здесь, благо места для этого теперь хватает. Берут книги домой.

Нередко с детьми приходят и взрослые. Им в первую очередь хочется знать, чем и как заняты ребята, но и сами не теряют время зря: книгу какую-то выберут, журналы полистают, даже участвуют в мероприятиях вместе с детьми.

А мероприятий в модельной библиотеке проводится сейчас, не в пример с прежними возможностями, много больше: встречи с поэтами и писателями, ветеранами, известными людьми района, участниками СВО.

Вместе с ребятами и родителями работники библиотеки готовили новогодние утренники, наряжали ёлку, делали игрушки, шили костюмы, сочиняли поздравления, писали сценарии праздничных выступлений и письма нашим бойцам на передовую. Всё это мотивирует ребят, укрепляет командный дух и интерес к творчеству, развитию умений и навыков.

– Я прихожу в библиотеку почти каждый день, – признался третьеклассник Глазуновской средней школы Саша Колесников. – Здесь здорово, классно! Общаемся с друзьями, играем, придумываем разные занятия, книжки листаем. Нам интересно и скучать совсем некогда.

– В новом помещении детям вдвойне, втройне приятно находиться, – констатирует Елена Владимировна Фролова. – И скажу честно: порой ребят невозможно отсюда выпроводить, библиотека стала для них своего рода центром притяжения. Сюда ежедневно после школьных занятий приходят десять-пятнадцать человек, а то и больше. Мы, библиотекари, всегда мечтали о том, чтобы детские голоса, детский смех и улыбки наполняли помещения наших библиотек. Теперь это получается благодаря замечательному новшеству – созданию таких, как наша, модельных библиотек!

Ольга Аристарина познакомила восьмиклассников школы № 51 г. Орла с героем своей книги

Член Союза российских писателей и её литературный герой пришли в гости к школьникам по приглашению учителя русского языка и литературы Алексея Николаевича Новикова.

Ольга Аристарина почитала ребятам полные добра и юмора стихи, которые помогут им подготовиться к коллизиям взрослой жизни. Школьники с удовольствием узнавали о приключениях поэта и чудака Трампарамы, рассказывали о своих увлечениях и мечтах, смотрели ролики и слушали песни на стихи Ольги.

Иван Иванович, воплощённый художницей Мариной Мининой, предстал во всей красе на импровизированной выставке.

Командировка на войну

Путевые заметки журналиста RTVI из Донбасса

Окончание. Начало в № 61

**«С любого вида оружия, братан»:
как устроен экспериментальный полигон
для новобранцев СВО**

Спецкор RTVI побывал в уникальном военно-полевом лагере, где программа обучения едва ли не ежедневно приводится в соответствие с реалиями в зоне боевых действий, а мины, которые не успевают привезти с передовой, печатают на 3D-принтере. Здесь хотят потренироваться многие, но входной билет в приоритетном порядке выдаётся лишь тем, кто пришёл сюда, чтобы пройти курс молодого бойца.

Щелчок затвора автомата. Разрыв дымовой шашки. Команда: «Работаем!» Боевая тройка в полном обмундировании выдвигается в лесополку, подавляя огнём противника. Задача — пройти тропу до конца и уничтожить цель.

Тройка работает слаженно, живо перемещается, занимая всё новые и новые позиции. За всё время работы парни не произносят ни слова. Взаимодействие в группе всего за три недели доведено до автоматизма. Завершив упражнение, новобранцы быстро возвращаются на базу и перезаряжают оружие.

— Хорошая работа, — говорит инструктор.

В экспериментальный военно-полевой лагерь мы приехали рано утром. Здесь есть всё, что нужно будущему добровольцу, чтобы после прохождения курса молодого бойца (КМБ) сразу же влиться в ряды подразделения и приступить к выполнению боевых задач.

На одной из локаций парней учат работать боевыми двойками-тройками в условиях леса и лесополк. Это важно, потому что сейчас на передке приходится штурмовать много опорников. Тут отрабатывается правильность движений, постоянное подавление огнём. Инструкторы смотрят, чтобы у новобранцев не было никаких затыков. На второй локации, так называемом Kill House, есть стены, здания и всё то, с чем приходится иметь дело бойцам при работе в городских условиях. Также на территории лагеря есть класс, где проходят теоретические занятия, блиндажи — в которых спят «курсанты», столовая, лобное место и много других вещей, необходимых в процессе подготовки.

В момент моего приезда в лагерь в учебном классе, покрытом маскировочной сеткой, шли теоретические занятия по БПЛА. Курс молодого бойца в лагере проходили 20 новобранцев. В конце недели у них был последний день, после чего парни, успешно прошедшие обучение, заключают контракт и отправляются в свои подразделения по выбранным направлениям, — или же в те, где прямо сейчас есть нехватка личного состава.

Позывной одного из новобранцев Самбо. Через два дня у него выпуск. Самбо приехал сюда издалека.

— Я прохожу курс молодого бойца в подразделении «Эспаньола». Изначально последние четыре года проживал

в США. Но так как идёт тяжёлое противостояние, решил вернуться домой и пойти на войну. К тому же, и близких начал терять, и одноклассников. Поэтому за Родину решил пойти воевать, — рассказывает Самбо.

— Кем будешь после окончания КМБ?

— Я полгода назад обучался в одном из подразделений ДОСААФ России на направлении оператор-техник БПЛА. Поэтому здесь тоже хотел бы пойти на БПЛА, — отвечает Самбо.

Его «однокурсники» съехались из разных регионов. У каждого есть свои истории, свои надежды и своя мотивация находиться здесь. Общей является, пожалуй, вера в свою страну и желание ей помочь в трудное для неё время. Возраст у будущих бойцов тоже разный. Есть среди новобранцев и девушки.

У лобного места мы встречаемся с Пеплом.

— Курс молодого бойца занимает три недели, — рассказывает комендант и создатель тренировочного лагеря, — он включает тактико-специальную подготовку, инженерно-сапёрную подготовку, картографию, тактическую медицину, работу с генераторами, беспилотниками, управление квадроциклами, мотоциклами и прочее.

Особое внимание уделяется тактмеду и сапёрному делу. В последнем Пепел спец. Сам он из Сибири. В 2022 году попал под мобилизацию. Побывал во многих местах в составе сапёрной роты, пока не получил ранение. После чего был комиссован, но на гражданку не спешил: за плечами огромный и полезный боевой опыт. Пепел решил, что было бы преступным им не поделиться с товарищами по ратному делу, и пришёл в «Эспаньолу», где и организовал это уникальное место.

Уникальность его в том, что программа подготовки новобранцев здесь — ультрасовременная и динамичная. В лагере обкатываются буквально все новшества, только-только появившиеся в зоне боевых действий. Возник на передке новый дрон? Можно быть уверенным, что скоро он появится в лагере, и КМБшники будут учиться, как его сбивать, как от него прятаться и в целом — как себя с ним вести. То же и с минами и прочими боеприпасами.

— Практически со всеми минами, с которыми сталкиваемся [на передке], мы здесь с ними работаем. Если, например, речь о фугасной mine, нагружаем ящик — кидаем. Чтобы люди видели, что будет. Не для того, чтобы застраховать их, а показать, что происходит, чтобы они опасались неправильных действий, — объясняет Пепел.

По его словам сейчас в зоне СВО применяется около 200 разновидностей НАТОвских мин. Это и противотанковые, и противопехотные, и дистанционные, и нажимного действия, есть даже магнитные прыгающие мины.

— Тащат со всего мира. Более тесно нам известны штук 50 разновидностей. Те, что не можем привезти, например, из Часова Яра, распечатываем на 3D-принтере, — говорит Пепел.

После беспилотников мины, пожалуй, самая большая головная боль на фронте.

— Сейчас, — рассказал Пепел, — в зоне СВО дистанционно минируется всё, начиная от сухпайков и аптекчек и заканчивая брёвнами, даже зажигалками.

— Активно применяются джоники — датчики, которые реагируют на изменения в пространстве. Идешь, поднял, подрыв. Пнул — подрыв. Джоники настраиваются на очень большой функционал. Недавно начали сбрасывать заминированные кусты с дронов, — говорит Пепел.

— Это же, — говорю, — всё просто невозможно распознать!

— Пытаемся что-то придумать. Помните, как в советское время была нейтронная бомба, которую бросают, и в радиусе 500 метров вся электроника глохнет, — отвечает Пепел. — Пытаемся создать какой-то сканер, чтобы мы или видели, что впереди нас что-то есть, либо чтобы оно это сразу глушило. Радиоэлектронная борьба существует. Вот с помощью этого мы пытаемся научиться это всё глушить. Джоники — очень большая проблема на передке.

— Вы же наверняка видели видео, как сейчас на передке бойцы держат автомат? — вступает в наш разговор доброволец с позывным Адвокат. — Они берут его руками снизу, чтобы закрыть всё железно. Как раз на случай магнитных мин.

В качестве примера необычных способов минирования Пепел показывает небольшое брёвнышко. С виду не отличишь от настоящего. Да оно и есть настоящее. Правда, если его перевернуть, внутри будет ниша. В ней — поражающие элементы, пластид и тот самый джоник, настроенный так, что в момент прохождения мимо этого бревна солдата или техники произойдёт взрыв.

Задача инструкторов лагеря — научить будущих бойцов обнаруживать мины и знать, что делать дальше. Например, уничтожать накладным зарядом — тротиловой шашкой с зажигательной трубкой.

Инструкторы в лагере — в основном действующие бойцы, которые периодически выезжают на передок и привозят оттуда, помимо новых образцов вооружения, ещё и свежий опыт ведения боевых действий. Таким бойцом, например, является Старый. В лагере все относятся к нему с почтением и большим уважением. Старый — воспитанник школы ЧВК «Вагнер». Попал туда в 2022 году, прошёл Попасную и прочие опасные места. Сейчас он учит новобранцев «Эспаньоль» стрелковой подготовке.

— Я работаю сразу по-боевому. У меня нет методичек, нет книжек. У меня есть боевой опыт, который я передаю, — рассказывает Старый. — С каждым выходом война меняется. А я выхожу на боевые задачи, я не только инструктор. У меня все сразу начинают стрелять. И в этот процесс я уже вношу корректировку каждому новобранцу: что он неправильно делает, что он должен сделать. И тем самым они у меня включают свой мозг.

Интересуюсь у Старого, какие ошибки чаще всего допускают новобранцы.

— Они почти у всех одинаковые. [Новобранцы] должны научиться включать мозг одновременно с телом. После 30 лет люди лучше адаптированы к боевой работе. А молодёжь до 30 постоянно сидит в телефоне. У них не работает тело. А те, кто после 30, ещё не так сильно зависимы от гаджетов, их легче обучать. Дальше уже, в процессе, подход к каждому индивидуальный, — объясняет Старый.

— А как мотивируете парней?

— Говорю, что вы, парни, не одни. Думайте не только о себе, но и о тех, кто рядом с вами. И не только на передке, но и в быту. Всё начинается с быта. Как меня научили в «Вагнере», так я всё и здесь делаю. Я приверженец вагнеровской системы. Я и в быту с ними здесь. Я с ними живу в блиндаже также. Ем, что они едят. Пью, что они пьют. Я с ними наравне. Не ставлю себя выше, — говорит Старый.

Во время КМБ новобранцы три недели без связи. Это необходимо, чтобы будущие бойцы сконцентрировались на занятиях. Теория здесь всегда идёт рука об руку с практикой. До обеда у новобранцев теоретические занятия, после обеда — практические. В тот день, когда там был корреспондент RTVI, после обеда «курсанты» летали на БПЛА. Отбой в лагере в 23 часа, подъём в 7. Ночью новобранцы по очереди учатся стоять в карауле.

— Какие сейчас в основном люди к вам приходят? — интересуюсь у инструктора по физической подготовке, в прошлом футбольного хулигана из Санкт-Петербурга с позывным Шайтан.

— Разные приходят. Всё от возраста зависит. От домашних посиделок. Кто чем занимался. Кто-то ломается. Физически не вывозит — таких отправляем домой, — отвечает он, имея в виду, что КМБ проходят не все.

На вопрос о мотивации Шайтан кивает на Старого.

— Мотивируют старшие инструкторы, говорят: кто, если не мы. Да и на хрена потом стоять родителям и друзьям у гроба, когда их закапывают? Поэтому надо работать. Вообще у нас тут сборная России по раздаче тумачков, — смеётся инструктор по физухе.

Тактическая медицина — это основа основ новобранца. Здесь обучению этой дисциплины уделяется особое внимание. Оно ежедневное.

— Тактмед — безусловное базовое знание, которым нужно владеть на уровне рефлексов. Потому что сегодня оказать кому-то помощь на поле боя фактически невозможно, то есть боец должен обслужить себя прежде всего сам, — рассказывает инструктор по тактмеду Дунай. — На этом и строится наше обучение. Чтобы человек не задумывался, что делать, когда он получит, скажем, ранение в ногу. Руки должны работать вперёд мозга, потому что в эти моменты мозг отключается.

В учебном классе на стендах и на потолке висят беспилотники. На полках сзади инструктора множество мин, баночек со взрывчатыми веществами, гранатомёты, пулемёты и прочее вооружение и снаряды. На столике перед новобранцами «мавики» и FPV-дроны.

— Сейчас обучаем по большей части по БПЛА коптёрного типа, поскольку небо здесь насыщено в основном ими. FPVшки часто используются как камикадзе. Они также могут использоваться как дроны для сбросов — дистанционного минирования. Либо для поддержки боевых соединений на переднем крае — ближе к ЛБС. Когда нужно скинуть радиостанцию, вышедшую из строя, зарядник, — рассказывает инструктор с позывным Сегун.

Новобранцам он объясняет, как устроены боевые части дронов — фугасные, осколочно-фугасные, аккумулятивные, термобарические и зажигательные. Как их подготовить, как с ними работать, какие есть приёмы маскировки. Также новобранцев учат пайке, настройке и программированию коптеров.

Интересуюсь у инструкторов, как противостоять дронам и чем их сбивают.

— По дронам стреляем особенными патронами, делаем их сами, — говорит Пепел. — На базе 5,45 сделали дробовые. Вытащили сердечник, то есть саму пулю, вставили туда шесть дробинок четвёртого номера — плюс термоусадка.

— А чем сбиваете? — спрашиваю у Старого.

— У кого как получится. С любого вида оружия, бра-тан, — говорит он.

По окончании курса молодого бойца новобранцев в лагере ждёт контрольное занятие. Это самое феерическое зрелище. Для самих новобранцев — это практически настоящий бой. Занятие включает в себя всё то, с чем боец может столкнуться в зоне боевых действий. Основное мероприятие — проход по штурмовой тропе. Здесь каждому новобранцу придётся применить на деле все те навыки, что он приобрёл за три прошедших недели. Это и умение правильно ходить по пресечённой местности, и преодоление инженерных заграждений: взрывных и невзрывных. Растяжки, колючая проволока, мины под ногами, суббоеприпасы — всё это тоже в программе.

Обязательно, когда идёт группа, по ней работают «птицы» с боевыми сбросами. К тому моменту новобранцы уже

должны уметь их обходить. Также по «птицам» группа обязательно работает в ответ. На тропе они встречаются и с имитацией засады, отражением атаки противника, по тропе всё время работает артиллерия. В какой-то момент новобранцы могут столкнуться с тем, что им придётся эвакуировать раненого на квадроцикле: зацепить за трос, обеспечить прикрытие и вывезти в безопасное место.

— Обычно главная эмоция после прохождения тропы — восторг, — говорит Пепел.

По его словам, часто люди в лагерь приходят совершенно неподготовленные. Бывают те, кто не служил срочку и никогда в жизни не держал в руках автомат.

— Спустя три недели это уже практически полноценный боец, который готов к любой сложившейся ситуации на передке, — добавляет Пепел.

О важности и уникальности данного лагеря говорит и ещё один штрих. Когда я уже собирался уезжать и мы прощались с Пеплом, сюда приехали двое парней из смежного подразделения. Сказали, что наслышаны о лагере и попросили потренировать и их. Пепел не отказал. Выяснилось, что здесь это — далеко не единичный случай.

Миру – миру

В проекте "Автор а tempo" – Галина Даниелевна Климова. Галина Даниелевна – из тех великолепных писателей, которые мало нуждаются в представлении. Блестящий поэт, писатель, редактор живой "Дружбы народов". И, что важнее всех статусных указаний, человек, улавливающий самые нежные Божественные вибрации. "Миру – миру". Именно так. Сегодня, впрочем, как и всегда, благословение миру – главное послание поэта, не просто владеющего словом, но слышащего Слово.

Зелёный чай, горячие баранки –
так можно жить, пока стоит зима,
и дух пятидесятого псалма
задержится на здешнем полустанке
и утолит убогие дома.
Забрезжат цветом чахлые герани,
и ходики,
как в прошлом ходоки,

пойдут,
но против солнца,
вопреки –
за гранью света или же на грани –
и мне остановить их не с руки.
Зачем? Куда?
Всему своё движенье.
Почтовые навстречу поезда.
И не забыть,
не вспомнить никогда,
откуда к нам приходит утешенье.

"Дух пятидесятого псалма", освещающий "убогие дома" и освещающий простой быт человека, с "геранями" и "гранями". Гранями преломляющихся солнечных лучей, что отражаются отсверком на лицах людей, каждый из которых совершает свой, и только свой, путь.

Наталья МЕРКУРЬЕВА

Ссылка на фото

https://vk.ru/album-215540055_310111842

